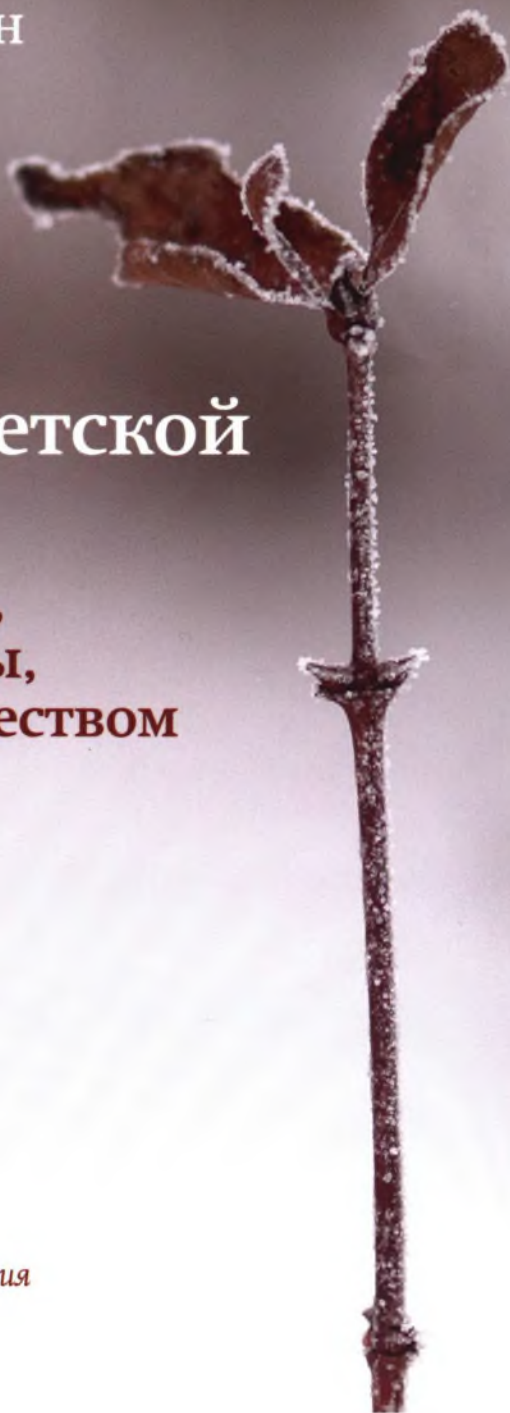

СЕРГЕЙ ЧАПНИН

Церковь в постсоветской России:

**возрождение,
качество веры,
диалог с обществом**

*Субъективные размышления
о настоящем и будущем*

ΑΡΕΦΑ

Сергей Чапнин

**ЦЕРКОВЬ
В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ:
возрождение, качество веры,
диалог с обществом**

*Субъективные размышления
о настоящем и будущем*

*Москва
«Арефа»
2013*

УДК 82-97
ББК 86.372
Ч 19

Чапнин С.В.

Ч 19 Церковь в постсоветской России: возрождение, качество веры, диалог с обществом. Субъективные размышления о настоящем и будущем — М.: Арефа, 2013. — 80 с.

ISBN 978-5-91963-005-0

Можно ли говорить о том, что впервые в истории постсоветской России возникли сомнения в особом статусе Русской Православной Церкви как крупнейшего общественного института? Общество задает Церкви вопросы и ждет на них ответов, формируя новый запрос на общее видение будущего. Позицию Церкви в этом диалоге будет формировать не только духовенство, но и миряне. Их понимание традиции и религиозных практик, их отношение к советскому прошлому и реалиям постсоветской жизни автор эссе подвергает глубокому критическому анализу. Опираясь на личный опыт участия в церковной жизни, он приходит к неожиданным, а порой и парадоксальным выводам.

УДК 82-97
ББК 86.372

ISBN 978-5-91963-005-0

© Чапнин С.В., 2013
© Издательство «Арефа», 2013

Содержание

От автора	6
Введение	8
Страна в переходном периоде	10
Вечный огонь Великой Победы. Кто в нем горит сегодня?	17
«Они создавали образы»	22
Православный, крещенный, воцерковленный. Как определить «качество веры»?	26
«Реконструкция с элементами реставрации»?	31
Субкультура, идеология, расцерковление... и усталость от Церкви	38
Церковь и общество: осмысление отношений	44
Церковь и общество: история отношений в недавнем прошлом	47
Правые-центр-левые: конструкция не работает	52
Православно-патриотическое движение. Второе дыхание?	57
Кто «не нужен» Церкви? Спор об интеллигенции ...	63
Креативный класс: кадры для миссии?	71
В преддверии перемен	75
Приложение. О некоторых практических шагах	77

От автора

Это эссе родилось из нескольких статей, интервью и публичных выступлений в 2010-2012 годах. Реакция самой разной аудитории — духовенства, дипломатов, социологов, историков, студентов церковных и светских вузов, интеллигенции и даже чиновников — каждый раз была весьма энергичной, заинтересованной, а порой и критической. Некоторые мои тезисы активно обсуждались в СМИ, наиболее характерные отзывы я привожу в этой работе.

Можно ли говорить о том, что в 2012 году впервые в истории постсоветской России возникли *сомнения в особом статусе* Русской Православной Церкви как крупнейшего общественного института? Общество задает Церкви вопросы и ждет на них ответов, формируя новый запрос на общее *видение будущего*. Что с нами происходит? Почему обществу по-прежнему трудно вести диалог с Церковью, а многие представители Церкви испытывают неимоверные трудности, когда вступают в диалог с обществом?

Мне представляется, что ответить на эти вопросы возможно лишь в том случае, если возникнет *общий для всех нас образ происходящего*. В этом эссе я делаю попытку сделать шаг к решению этой задачи и построить модель происходящего, опираясь на размышления о «качестве» веры, об отношении к советскому и постсоветскому в современной светской и церковной культуре и на анализ тех разногласий (хочется верить

исключительно идеологических), которые всё более заметны внутри Русской Православной Церкви.

Безусловно, на этом пути я не первый. В середине 2012 году уже получила широкое распространение одна из возможных моделей описания происходящего. Но я никак не могу признать ее удачной — ключевыми в ней оказались такие понятия как «враги Православия», «информационная война против Церкви» и т.п. Безусловно, у этой модели есть огромный потенциал мобилизации. Трудно не откликнуться на призыв сплотиться перед внешним врагом и защитить святыни... Однако прежде я бы все-таки попросил уточнить: точно ли этот враг существует и выглядит так, как нам его описали? Или это безответственная и опасная игра, в которой у православных только одна роль — сидеть в осажденной крепости и не высовываться?

В моей модели я сознательно не использую «язык вражды». Он представляется мне глубоко чуждым христианскому осмыслению личной и общественной жизни.

Конечно, модель — это еще не образ. Модель — это всегда упрощение, игнорирующее порой весьма важные вопросы. Я не ставлю своей целью обобщить или уточнить позицию Русской Православной Церкви. Это скорее размышления о церковном контексте духовных, социальных и культурных проблем современной России. И в то же время это попытка выразить свою тревогу и надежду, связанные с будущим Православной Церкви в России.

Я благодарен Алексею Беглову, Анне Брискиной, Надежде Киценко, Денису Маханько, Дмитрию Сладкову, Максиму Трудолюбову, Константину Эггерту и Ирине Языковой за поддержку, конструктивную критику и ценные замечания.

Особая благодарность замечательному редактору Наталье Фроловой за помощь в работе над текстом.

Введение

Трудно, противоречиво и болезненно складываются отношения Русской Православной Церкви и современного российского общества.

И вместе с тем Церковь уверенно говорит о себе как о крупнейшем общественном институте сегодняшней России и, исходя из этого, строит свое общественное действие. Ни в девяностые годы прошлого века, ни даже в «нулевые» с этим никто не спорил. Особый статус Православной Церкви еще недавно подавляющим большинством россиян воспринимался как данность. На многие проблемы Церковь могла не обращать внимания, а в ответ на неудобные вопросы — просто промолчать. На ясном и убедительном ответе никто не настаивал. Сегодня, когда пробуждение гражданского сознания, и прежде всего, чувства личной и социальной ответственности привело к более острому осознанию роли христианских ценностей в жизни общества, претензия на такой исключительный статус Церкви вновь требует объяснений, вызывающих доверие. Общество снова ставит перед Церковью вопросы, порой острые и болезненные, и причем делает это с неизвестной прежде настойчивостью. Однако Церковь молчит, и это вызывает раздражение у светской части общества. Как следствие, в адрес православных бросаются обвинения в попытках клерикализации государства и общества, а это, в свою очередь, вызывает недоумение

и раздражение среди части духовенства и мирян. И в ответ звучат заявления о новых гонениях на Церковь.

Сейчас, когда у активной части общества столь велик запрос на перемены в стране, главным становится вопрос о будущем. Какую перспективу Церковь видит для России? Каким будет нравственный фундамент у нового государства — светским или религиозным? Есть ли у православных христиан шанс принять реальное участие в моральном, идейном и культурном строительстве новой страны? Что представляет из себя социальная проекция Церкви? Эти темы сегодня беспокоят всех неравнодушных к судьбе России и Русского Православия. Более того, в обществе возникает тревога: силу или слабость, свободу или маргинализацию несет религия? Общие слова и лозунги прежних лет, в том числе и слова о «Святой Руси» и «церковном возрождении», истрепались и уже не работают. Нужны честные и серьезные ответы, *новое видение будущего*. И если Церковь снова уклонится от диалога, то это станет серьезным ударом по ее авторитету.

Те ответы, которые может дать Церковь, прочно связаны с реальным опытом церковной и общественной жизни, который есть у епископата и духовенства, у монашества и мирян. Состояние этих церковных групп — социальное, политическое, интеллектуальное и духовное — предмет отдельного большого разговора. В этом эссе я уделяю особое внимание одной из групп — самой многочисленной, из которой рекрутируются все прочие — мирянам. Но чтобы понять, в каком положении они находятся сегодня, необходимо внимательно рассмотреть контекст, в котором взаимодействуют Церковь и общество, неотъемлемой частью которого собственно и являются миряне.

Страна в переходном периоде

Прежде, чем говорить об *отношениях* Церкви и общества, надо сказать несколько слов о состоянии самого общества.

Я уверен, что прошедшее десятилетие останется в истории как время политических подделок — пустой риторики модернизации, имитации политической активности граждан и создания искусственных молодежных, политических и общественных организаций. Государственным политическим технологиям, по мнению редактора раздела «Мнения» газеты «Ведомости» Максима Трудюлюбова, не удалось сделать главное — «восстановить ощущение причастности к чему-то большому и общему»¹. И с ним трудно не согласиться:

«В сравнении с населением других стран россияне в наименьшей степени ощущают свое единство со своей страной. Отчужденность у жителей России примерно такая же, как у арабского населения Израиля»².

.....
¹ Трудюлюбов Максим. Я и моя страна: общее дело. — М.: Московская школа политических исследований, 2011. — 144 с. — С. 9.

² Там же, С. 7.

События 2011-2012 годов показывают, что общество расколото — и этот раскол довольно глубокий. Необходим диалог противостоящих общественных групп. Но власть не видит потребности в дискуссии с оппозицией и демонстративно от нее отказывается.

Любые слова руководства страны о модернизации и инновациях в последнее время воспринимаются исключительно как голые декларации. Реальный выбор политической элиты очевиден — это превращение страны в крупного энергетического, сырьевого, политического и военного-политического игрока. При этом и речи нет о том, что Россия будет строить новую экономику, участвовать в «производстве идей», развивать культуру, учиться действовать с использованием «мягкой силы». Движение идет в направлении, прямо противоположном декларируемому.

Необходимо сказать прямо — историческая Россия безвозвратно ушла. На наших глазах и при нашем участии/бездействии рождается новая страна и новый народ. И мне тяжело наблюдать, как уже новая Россия погружается в мрак исторического невежества. Проблема отсутствия *исторической памяти* не решена и, более того, еще до конца не осознана. Не принесли никаких здоровых плодов за последние два десятилетия и разговоры про нашу идентичность, патриотизм и восточно-православную цивилизацию.

Очевидно, что для сохранения страны неизбежно придется строить современное государство, в котором благополучие граждан будет главным приоритетом. Термины *общественное благо* и *сфера общего* в самом широком понимании должны получить новое

содержание. В этом смысле, важно посмотреть на ценностные характеристики протестного движения 2011-2012 годов. Вышедшие на Болотную площадь в феврале 2012 года ясно говорят о своих ценностях: семья (44%), свобода (29%), справедливость (19%)³. Однако нынешняя политическая элита даже не пытается сформулировать эти задачи.

Где проходит реальный нерв нашего времени? Я полагаю, что точкой отсчета должен стать тезис о том, что современная Россия по-прежнему мыслит о себе в терминах и понятиях советской эпохи. Все существующие сегодня проблемы решаются в привязке к исключительно советским схемам, пусть и существенно модифицированным.

Октябрьский переворот, судьбы Российской империи или, скажем мягче, исторической России большую часть населения страны, кажется, практически не волнуют. Зато многие россияне по-прежнему не могут равнодушно говорить о распаде СССР. В 2011 году отмечалось 20-летие ГКЧП и последующего развала советской империи. Из этого было сделано огромное медийное событие, в подаче которого постоянно звучали ностальгические нотки. Переживание распада Советского Союза как *продолжающейся* трагедии говорит о многом. Прежде всего, о том, что граждане России пока что в большинстве своем родом из этого самого СССР не только физически, но и интеллектуально, и духовно.

.....
³ «Оппозиция на Болотной-2»: портрет, убеждения, ценности // Некоммерческая исследовательская служба «Среда». 17.02.2012. URL: <http://sreda.org/opros/33-snezhnaya-oppozitsiya-sostav-emozii-tsennosti>

Вот только один характерный пример. 3 октября 2012 года государственное информационное агентство «РИА Новости» сообщило о признании молодого вице-премьера Правительства РФ Аркадия Дворковича (1972-го года рождения). «Недавно мне принесли на визу проект решения правительства <...>, в котором отменялся ряд других решений органов государственной власти, в том числе решения, принятые в 1918-м, 1920-м и 1931-м, и, по-моему, в 1935-м годах, подписанные в том числе Владимиром Ильичем Ульяновым-Лениным»⁴, — рассказал высокопоставленный чиновник, выступая на форуме «Россия зовет!». Несмотря на то, что эти постановления давно противоречат целому ряду государственных актов, у Дворковича, по его словам, «не поднялась рука завизировать это постановление, и до сих пор оно действует в Российской Федерации»⁵.

И затем вице-премьер добавил фразу, которую можно считать исповеданием личной веры или, по крайней мере, манифестацией реальных личных ценностей, которые выражаются в его государственной деятельности: «Вообще невозможно отменить все, что подписано Лениным, это *кощунство*, я считаю»⁶.

Уже двадцать лет как нет Советского Союза, мы живем в новой стране — Российской Федерации. Церковь вслед за государством некоторое время называла это новое образование «русским миром», хотя термин явно

.....
⁴ Дворкович рассказал, как не смог отменить одно из решений Ленина // РИА Новости. 03.10.2012. URL: <http://ria.ru/есопому/20121003/765224148.html>

⁵ Там же.

⁶ Там же.

подразумевает нечто большее, чем сама Россия — общество людей во всем мире и прежде всего в СНГ, говорящих по-русски и причисляющих себя к русской культуре. Теперь вообще патриотично говорить о «русском народе» и о «русской культуре».

Но здесь лучше смотреть не на слова, а на содержание. Всё это так и не стало «русским», а точнее «российским», содержание осталось постсоветским — прямым продолжением советского. И это не «замороженное» постсоветское двадцатилетней давности, а болезненно-живое, с растущими метастазами. Страна и народ, оказавшиеся в переходном состоянии, отказались от преодоления советского наследия. Наоборот, именно в нем все последние годы искали опору и оправдание своего исторического бытия. И отсутствие результата во многом обусловлено отсутствием связи между формой (названием) и содержанием.

Я убежден, что для описания окружающей нас реальности используются неверные понятия. Ценности и верования постсоветской культуры невозможно соединить с евангельскими ценностями. Постсоветская культура вторична, несамостоятельна и несостоятельна. Новый политический класс и новая бюрократия продолжают использовать старый багаж, вынужденно адаптируя его к нынешним реалиям. И это значит, что все попытки создать новую национальную идентичность взамен советской провалились.

И даже церковное возрождение в этой перспективе воспринимается как попытка поставить Русскую Православную Церковь на место коммунистической партии и заставить ее заниматься идеологическим

обеспечением государственной власти. К сожалению, официальные представители Церкви далеко не всегда готовы убедительно выступить против этой опасной идеи.

Однако еще более опасным мне представляется формирование нового комплекса верований, по сути своей языческих или же квазирелигиозных, которые сосуществуют с православной верой, и, более того, активно проникают в мировоззрение современных христиан-неофитов. Получается своего рода “мутант” — постсоветское православие. Его наиболее характерные черты — неумение объяснить свою позицию и враждебное отношение ко всем, кто в мелочах не разделяет их взглядов; почитание исторических лиц не прославленных Церковью (например, Григория Распутина или «отрока Славика»⁷), алармистская эсхатология, основанная на пророчествах «старцев». Особо следует сказать о предельном недоверии к государству в связи с введением ювенальной юстиции и «электронного правительства», предполагающего электронную обработку персональных данных.

Новый ли это феномен? Нет, и в прежние времена этот комплекс идей был вполне известен, хотя проявлялся немного иначе.

Чем же отличается наше время? Тем, что «постсоветское православие» оккупировало непропорционально большую территорию как в географическом,

.....

⁷ Вячеслав Крашенинников – мальчик, умерший в десять лет и ставший после смерти объектом культа как пророк. Церковь осудила поклонение «отроку Славику» и запретила распространять через церковные лавки книги, воспевающие «чудотворца».

так и в духовном смысле. Когда заходит речь о церковном мракобесии⁸ или маргинализации Русского Православия, подразумевается именно «постсоветское православие», причем сторонними наблюдателями оно нередко воспринимается как единственная форма Православия в России.

Но что самое неприятное — некоторые из этих верований освящаются государственным ритуалом и активно поддерживаются государственной пропагандой.

.....
⁸ «Правда же эта заключается в том, что церковь в сегодняшней России — предсказуемая и ревностная союзница всего наиболее темного и косного; что церковь — тень государства, и в этой тени его художествам особенно вольготно; что современное российское богословие, по крайней мере официальное, безнадежно отстало от времени и от реальных нужд паствы». (Д. Быков. Толоконные лбы // Сноб. URL: <http://www.snob.ru/rgofile/14315/blog/40331>)

«Будущее России я вижу на пути преодоления необразованности, догматизма и мракобесия... Пришло время возразить против насаждения в преимущественно атеистической стране примитивной религиозности, которая стала в наши дни масштабным бизнес-проектом. Попам не место в школах, армии и государственных учреждениях». (Владислав Иноземцев. Выступление на съезде партии «Правое дело». Цит. по URL: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/264950/liberalizm_plyus_ateizm)

Вечный огонь Великой Победы. Кто в нем горит сегодня?

В центре национальной системы ценностей и одновременно — со всеми плюсами и минусами — в сердце новой национальной мифологии находится лишь одно событие — *Великая Победа* в Великой Отечественной войне. Эта победа воспринимается как единственное «священное» событие нашей истории XX века. Празднование Дня Победы сконструировано как религиозное действие, в котором участвует — или, по крайней мере, которому сочувствует — большинство россиян.

Так формируется подобие гражданской религии со своими правилами и ритуалами. Тема победы настолько «свята», что говорить о ней можно только в тех рамках, которые усвоены массовым постсоветским сознанием⁹.

В основе этой гражданской религии лежат языческие ценности, смыслы и символы, лишь отчасти модернизированные коммунистической пропагандой. Ритуальные формы этой религии, например, предполагают *всеобщее поклонение огню*. Давайте задумаемся: и руководители государства, и простые граждане приходят поклониться огню, который извергается из пятиконечной звезды, лежащей на земле...

[Всё, что в этом разделе будет сказано далее, обращено исключительно к христианам и тем, кто принимает христианские образы и символы. Полагаю, что людям

.....
⁹ Поэтому, например, приветствуются фильмы типа «Мы из будущего» и не приветствуются вроде «Рио-Рита» — о моральном поражении и трагедии поколения победителей.

нерелигиозным или безразлично относящимся к христианской символике, для правильного понимания текста необходимы значительно более пространственные пояснения.]

Огонь — многозначный символ. В рамках христианской культуры следует различать огонь Богоявления (например, образ горящего и нестарающего куста — Непалимой купины¹⁰) и огонь суда и проклятия: «Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный» (Мф. 25, 41).

Но все же огонь, выходящий из земли, всегда есть образ ада, геены огненной, гнева Божия...¹¹. В утреннем молитвенном правиле православные христиане молятся ко Пресвятой Богородице: «Избави мя огня вечнующаго, и червия же злаго, и таргара»¹².

В «Мыслях на каждый день года по церковным чтениям из слова Божия» святитель Феофан Затворник пишет:

«Долго спускал Господь Содому и Гоморре. Они же вместо вразумления спешили на верх нечестия, зато, когда не чаяли, поражены огнем, во образе вечного огня, ожидающего нечествующих. Не миновать и тебе этого огня, если пойдешь теми же путями. Приводи все это на память, сидя сам с собою, особенно в ночной тишине и темноте, и возгревая тем страх Божий,

.....
¹⁰ И явился ему Ангел Господень в пламени огня из среды тернового куста. И увидел он, что терновый куст горит огнем, но куст не сгорает (Исх. 3, 2).

¹¹ Подробнее об этом см. Сологуб Валентина. Вечный огонь. // Мир Божий, № 2, 1997. URL: <http://www.kadashi.ru/mb/2/vechogon.html>

¹² Утреннее молитвенное правило. Молитва седьмая ко Пресвятой Богородице. Русский перевод: «Избавь меня от огня вечного, злого червя и преисподней».

страшишь греха, как бы в нем подкрадывался к тебе пламень огня вечнующего»¹³.

Однако сегодня отдельные православные священники, такие, как, например, преподаватель Московской Духовной Академии иеромонах Тихон (Зимин), готовы оправдать практику поклонения вечному огню из пастырских соображений:

«Мы должны с пониманием относиться к тому, что для многочисленных ветеранов и людей старшего поколения эти символы имеют ценность, мы должны щадить (выделение — СЧ) их чувства»¹⁴.

Некоторые идут еще дальше: они готовы признать, что вечный огонь — это *гражданская святыня*¹⁵. На эту формулу следует обратить пристальное внимание. С христианской точки зрения, соединение этих двух слов невозможно.

Святость — это неотъемлемое качество Бога. Всё остальное свято лишь постольку, поскольку приближается к Нему. Поэтому употреблять понятие святости

.....
¹³ Феофан Затворник, святитель. Мысли на каждый день года по церковным чтениям из слова Божия. // Цит. по URL: <http://ni-ka.com.ua/index.php?Lev=everyday>

¹⁴ Религия и день Победы - мнения священнослужителей. // <http://www.regions.ru/news/2356542/>

¹⁵ Священник Евгений Смирнов: «Что касается Вечно-го огня - это символ светский, но Церковь относится к нему как к гражданской святыне. Ведь он учреждён не в честь какого-то отдельного правителя, или какой-то идеологии, а в память о воинах, отдавших жизнь за правое дело». // Ска-тинфо. 05.10.2010. URL: http://skatinfo.ru/also/also_166.html

в светском контексте невозможно. Но ситуация меняется, если идет формирование гражданской религии, которая требует *парарелигиозной риторики и ритуала*.

Этой риторикой уже вполне овладели высшие российские чиновники. Яркое проявление такой постсоветской религиозности — высказывание Анатолия Лыскова, председателя Комитета Совета Федерации по правовым и судебным вопросам, представителя в СФ от администрации Липецкой области.

«Как для православных святыми являются Рождество, Пасха, так для меня святой День Победы, — заявил Лысков. — Может быть, для кого-то это сравнение покажется и неправильным, но для меня это так»¹⁶. Эта оговорка очень интересна. Сенатор Лысков понимает, что для христиан его сравнение неприемлемо, но тем не менее его использует.

Что же происходит с культурой, в центре которой даже спустя шестьдесят лет после окончания войны, находится «День Победы», отмечаемый не как день траура и памяти павших, а именно как театрализованное представление? На мой взгляд, у нее формируются весьма опасные черты:

- сохранение и культивирование «образа врага»;
- тотальная героизация войны, превращение ее в лубок и забвение войны как трагедии;
- острое переживание ущемленной национальной гордости («Мы же победители, а теперь смотрите, как мы унижены»);

.....
¹⁶ Не надо учить русских, как праздновать день Победы (мнения парламентариев). // Федеральное информационное агентство «Новости Федерации». 20.05.2011. URL: <http://www.regions.ru/news/2356401/>

- примитивное (языческое) понимание патриотизма;
- оправдание победой всего, что случилось с Россией в XX веке, и прежде всего тоталитарного режима, репрессий, ГУЛАГа и лично Сталина¹⁷.

Совершенно очевидно, что в последние годы конфликт между постсоветской гражданской религией и русской культурой, вдохновленной евангельским идеалом, становится все глубже.

Почему сегодня оказывается «недостаточно» традиционных форм поминовения павших — заупокойной литургии, панихиды, литии? С каких пор молитва в храме на 9 мая оказалась «ущербной» и непременно требующей «дополнения»? Почему возложение цветов к вечному огню приравнивается к молитве, хотя это всего лишь молчаливое возложение цветов? Не это ли яркое проявление секуляризации? Для Русской Православной Церкви все эти вопросы приобретают сегодня особую остроту.

Подчеркну: к памяти павших мои слова не относятся, только к тем странным формам, которые остались нам в наследство от советской эпохи.

.....

¹⁷ Рой Медведев: «Вижу, что в стране растет выпуск тенденциозной, псевдоисторической литературы, в том числе книг, восхваляющих Сталина и сталинизм. Никакие критерии научного качества при этом не выдерживаются. Идет прямая пропаганда сталинизма, полное отрицание того, что Сталин совершал какие-то преступления». // Рой Медведев. В сталинской редакции. // Московские новости, 15 апреля 2011. URL: <http://www.mn.ru/society/20110415/301062130.html>

«Они создавали образы»

В начале 1970-х годов канадский философ и теоретик масс-медиа Маршалл Маклюэн в своей книге «Понимание медиа» сформулировал важное наблюдение:

«Русским (т.е. Советскому Союзу — прим. СЧ) достаточно было адаптировать свои традиции восточной иконы и построения образов к новым электронным средствам коммуникации, чтобы стать агрессивно эффективными в современном мире информации. Идея Образа, которую с огромным трудом пришлось осваивать Мэдисон Авеню, была единственной идеей, которой располагала русская пропаганда. Русские в своей пропаганде не проявили никакой изобретательности или воображения. Они просто делали то, чему их научили религиозные и культурные традиции, а именно — создавали образы»¹⁸.

В православной традиции создание положительных (священных) образов — словесных, визуальных и, говоря современным языком, мультимедийных — признается как важнейшая задача литургического искусства. Именно поэтому экспозиция Третьяковской галереи начинается с русской иконы. Именно поэтому на Соборной площади московского Кремля храмов больше, чем гражданских зданий. Именно поэтому русские композиторы вплоть до Свиридова, даже в советское время, писали духовную музыку.

Выполнение этой творческой задачи было естественной частью жизни христианской общины, плодом

.....
¹⁸ Маклюэн Г.М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: «Канон-пресс-ц», 2003. - С. 394.

напряженной духовной жизни многих поколений. Когда заходит речь о христианском наследии Европы или о вкладе Православия в формирование русской культуры, первое, что необходимо назвать — это положительные образы. И, прежде всего, это образ жизни, воплощение евангельских ценностей в земном пути конкретного человека, *образ святости*.

Однако сегодня внутренние противоречия в обществе уже привели к тому, что во многом утрачена способность говорить о себе, о предках, друг о друге положительно, создавать убедительные и привлекательные образы. С чем это связано? Во-первых, образ прошлого мифологизирован, в нем есть проявленное героическое и табуированное трагическое. Во-вторых, цельный образ настоящего отсутствует. Ни в высокой, ни в массовой, ни в современной церковной культуре положительного образа новой России и ее общества нет. Во всяком созданном сегодня образе есть подвох — или что-то идеологически неприемлемое, или издевательское, или картонное. Складывается стойкое впечатление, что граждане сами себе не нравятся и друг друга не уважают. В-третьих, нет ясного образа нашего будущего. И это при том, что в настоящий момент главные ожидания россиян связаны именно с ним. До тех пор, пока и государство, и Церковь не смогут предъявить его обществу, разочарование в этих институтах будет только усиливаться.

Между тем, известные концепции прошлого — «симфонии государства и Церкви» или же «Святой Руси» к постсоветской России неприменимы. Даже адаптированные к современным условиям, они не выдерживают критики и разваливаются а глазах. Опыт последних лет покаал, что неприменимы они и при

использовании в религиозно-культурном диалоге между славянскими государствами.

Любопытно, что проблему отсутствия положительных образов несколько лет назад заметил и такой чуждый христианской культуры человек, как Владислав Сурков. В статье «Национализация будущего» он неожиданно заводит речь о «производстве образов» как задаче государства в области культуры:

«Производство смыслов и образов, интерпретирующих всеевропейские ценности и называющих российские цели, позволит ментально воссоединить расстроенную было нацию, собранную пока условно-административно, на скорую (пусть и сильную) руку»¹⁹.

Но эта цель так и осталась благопожеланием. В российских детективах и мелодрамах, телесериалах и блокбастерах публике явлены убедительные образы бандитов, уголовников, коррумпированных чиновников, милиции и военных, которые или такие же продажные, или все же честные, но, в свою очередь, сами борются с «плохими». Есть бесконечные образы честных и нечестных миллионеров, несчастных богатых и их еще более несчастных детей. Создан образ деревенской безнадёги. Эти произведения трагично, ярко и порой даже талантливо воспроизводят ущербные ценности современного общества, но через это пробиваются лишь отблески той системы ценностей, на которой можно строить будущее. Про все эти образы можно сказать одно: очень хочется, чтобы они поскорее ушли в прошлое.

.....
¹⁹ Сурков Владислав. Национализация будущего. // Эксперт. 20.11.2006. URL: http://expert.ru/expert/2006/43/nacionalizaciya_buduschego/

За редким исключением в современной культуре мы не встретим ни интерпретации всеевропейских ценностей (по Суркову), ни серьезного осмысления христианских ценностей в жизни общества.

Большую тревогу у меня вызывает состояние современного церковного искусства. Сегодня оно развивается не благодаря, а вопреки культурной политике Русской Православной Церкви. И массовый, и элитарный сегмент церковного искусства наполнен коммерческими продуктами, на фоне которых разглядеть новое церковное искусство порой невозможно.

Не удивительно, что в последнее время в современном искусстве набирает силу особое направление — «антиикона». И это не свободные эксперименты, не отталкивание от православной иконописной традиции, а претензия на ее продолжение и развитие. Самый яркий пример — выставка «новых икон» Евгении Мальцевой «Духовная брань», которая прошла в Москве осенью 2012 года. Спонсором и автором идеи проекта выступил владелец одной из крупнейших частных коллекций русской иконы Виктор Бондаренко, мечтающий продавать на Запад «новое сакральное искусство России». Представляя экспозицию, культуролог Роман Багдасаров так объяснил ее задачу:

«Икона должна быть освобождена от исторического “шлейфа”, который несёт в себе рудименты рабовладельческого строя, феодализма, деспотизма, патриархальности, мракобесия, невежества, подавления личности. Вот почему за отправную точку приняты образы участниц феминистической группы Pussy Riot, которые стали символом борьбы за духовную свободу, за живое религиозное чувство против всех попыток узурпировать его, прикрываясь

“традиционными религиями”, “общественной моралью”, “духовными основами государственности” и тому подобных симулякрами»²⁰.

Этот знакомый стиль советской антирелигиозной риторики теперь облачается в богословские одежды. Размышляя над «манифестом» Багдасарова, искусствовед Ирина Языкова замечает:

«Страшиновато. Икона, отвечающая духу времени — это уже антиикона. Икона все же про то, что будет после времени. И если этот образ нам предлагается в качестве иконы, т.е. образа для молитвенного созерцания, как окно в мир невидимый, то мы просто выглядываемся в бездну и в лицо смерти»²¹.

Православный, крещенный, воцерковленный. Как определить «качество веры»?

Кризис идентичности в полной мере коснулся и православных христиан. Наиболее очевидным образом он проявляется в напряженных поисках нового самоопределения.

Насколько вообще велика православная община в России, сколько людей приходит в храмы? По данным

.....
²⁰ Багдасаров Роман. «Духовная брань. Евения Мальцева»
// URL: <http://www.winzavod.ru/galleries/guelman/?id=697>

²¹ URL: <https://www.facebook.com/chapnin/posts/348283271931354>

социологической службы «Среда» всего лишь 3% россиян посещают церковные службы раз в неделю и чаще. Самый популярный ответ — «не посещаю», его выбрали 38% опрошенных. Православные респонденты, принадлежащие к Русской Православной Церкви, преимущественно появляются на богослужениях несколько раз в году — так поступают 40% верующих. Ежеженедельно приходят на службу в храм 3% — столько же, сколько и в среднем по России. 15% православных признались, что вовсе не бывают на службах. При этом 4% неверующих посещают богослужения раз в год и реже²².

Больше половины россиян (57%) верят (скорее верят) в возможность сглаза и порчи²³.

Та же служба «Среда» в декабре прошлого года задала православным респондентам еще один вопрос: «Участвуете ли Вы в приходской жизни?» Почти половина опрошенных православных россиян (44%) ответила, что не принимает и не хочет это делать. Активно вовлечен в приходскую жизнь лишь 1% опрошенных. Чуть меньше трети православных респондентов (28%) хотели бы в ней участвовать, но по каким-либо причинам не имеют этой возможности²⁴.

.....

²² Кто из россиян посещает службы, постится, носит крестик, молится? // Некоммерческая исследовательская служба «Среда». 23.08.2012. URL: <http://sreda.org/opros/43-kto-iz-rossiyan-postitsya-nosit-krestik-molitsya>

²³ Астрология, сглаз и гадания — кто в них верит? // Некоммерческая исследовательская служба «Среда». 24.08.2011 URL: <http://sreda.org/opros/astrologiya-sglaz-i-gadaniya>

²⁴ Приходская жизнь // Некоммерческая исследовательская служба «Среда». 30.12.2011. URL: <http://sreda.org/opros/31-prihodskaya-zhizn>

Результаты этих опросов в целом подтверждает и заведующая отделом социологии религии Института социально-политических исследований Российской академии наук доктор социологических наук Юлия Синелина:

«Примерно десятая часть россиян составляет верующее ядро общества, которое постоянно участвует в религиозной жизни и хорошо усвоило вероучительные догматы. Окружает его периферия верующего населения, составляющая 25–30% россиян. Это люди, так или иначе связанные с приходами и считающие религию важнейшей и неотъемлемой частью своей жизни. Для остальных соотношение себя с православием происходит на культурном уровне»²⁵.

На этом фоне традиционные определения, использовавшиеся несколько сотен лет, «не работают». Крещеных много (последние двадцать лет крестили всех подряд и практически всегда без всякого научения основам веры), но большинство из них не молятся, не участвуют в таинствах, не веруют во Христа как Спасителя. Церковный язык очень чутко реагирует на новые мировоззренческие установки и сложившиеся в последние полтора-два десятилетия церковные практики. И ключевую роль здесь играет новая самоидентификация членов Церкви.

Понятие «христианин», за которым, как теперь это осознали россияне, могут скрываться не только члены Православной Церкви, но и представители других

.....
²⁵ Насколько православны наши православные? // Журнал Московской Патриархии, № 8, 2012. URL: http://e-vestnik.ru/interviews/sociology_vocercovlenie/

деноминаций и даже сектанты, обрело для них слишком широкой смысл. Поэтому, определяя свой религиозный статус, многие предпочитают делать смысловой акцент не на личной вере во Христа, а на формальной принадлежности к конкретной организации — Русской Православной Церкви.

«Православный» как понятие в контексте распространенной концепции «русский, значит, православный» так же мало говорит о «качестве веры». Если в XIX веке связь «русского» и «православного» была *содержательной*, то есть означала реальное участие в церковной жизни и личную причастность к православной культуре, то к концу XX века для значительного числа людей понятие «православный» утратило связь с Церковью. Теперь оно является не религиозной, а всего лишь национальной самоидентификацией, причем весьма формальной. Именно поэтому сегодня можно встретить самых невероятных «православных» — православных коммунистов, православных националистов, православных атеистов. Никакой проблемы здесь нет — такая идентификация всего лишь обозначает, что это *русский* коммунист, *русский* националист, *русский* атеист.

Для определения «качества веры» в церковном языке появился абсолютно новый термин — воцеркволенный. Корнями он уходит в чинопоследование Таинства Крещения, хотя сегодня об этом немногие помнят. Этот термин широко используется и стал практически общепринятым. Однако с точки зрения современных церковных практик, это понятие не такое однозначное, как может показаться на первый взгляд. Вполне возможно, что те, кто первыми ввели это слово в обиход, имели в виду принадлежность к Церкви как Телу

Христову и хотели подчеркнуть евхаристический характер церковной общины. Однако впоследствии термин приобрел новую окраску — понимание Церкви как религиозной организации, сообщества в юрисдикции Московского Патриархата. И на первый план вышли не мистические и богословские интуиции, а набор норм и правил, по умолчанию принятых в Русской Православной Церкви в начале XXI века.

Это привело к тому, что при подготовке к крещению стало значительно труднее объяснять азы жизни во Христе. Опыт христианской жизни не исчерпывается «воцерковлением» в узком смысле этого слова, то есть ознакомлением с нравственными установками, церковными правилами и строем богослужбной жизни. Но если «церковная жизнь» лишена богообщения и богопознания, человек оказывается ограничен и, в конечном итоге, лишен возможности увидеть и осознать цель христианской жизни — радость свободы и спасения во Христе.

Поиск исторической, национальной и религиозной идентичности должен сочетаться с устремлением вперед, в будущее, в вечность. И, если говорить о религиозной идентичности, то важно понимать, что не стоит заикливаться на названиях, ведь качество веры от них не зависит. Сам Спаситель не считал нужным как-то по-особенному называть Своих учеников. На страницах Евангелия нет ни одного из распространенных сегодня слов — православный, крещенный или воцерковленный. Лишь одно из них — *христиане* — несколько раз встречается в Деяниях Апостолов и Апостольских посланиях (Деян. 11, 26; 1 Пет. 4, 16), то есть уже после Вознесения Господня. Господь говорил иначе. Для Него важнее было указать не на форму, а на

содержание, на качество общения учеников и учителя: «По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою» (Ин. 13, 35).

«Реконструкция с элементами реставрации»?

Выше уже говорилось о кризисе идентичности в православной среде. Об этом свидетельствует и сравнительно небольшое, несмотря на церковное возрождение, количество людей, приходящих в храм регулярно. Это следует не только из опросов — об этом говорят и сами священники. Показательны наблюдения епископа Смоленского и Вяземского Пантелеимона:

«В начале 1990-х в храмы был наплыв прихожан. И, как заметил отец Иоанн Крестьянкин, люди тогда не приходили в Церковь, а «вламывались» в нее. К сожалению, задержались в ней немногие и период активного внимания к церковной жизни и воцерковления сравнительно быстро закончился. В этом мои ожидания не сбылись. Многие люди далеки от Церкви и сегодня, хотя и называют себя православными. В церковь не ходят, не исповедуются, не причащаются. Процент людей, которые в воскресенье приходят в храм, по моим подсчетам, не более 1% от населения нашей страны»²⁶.

.....
²⁶ Пантелеимон, епископ Смоленский и Вяземский. Люди помнят о Боге, но забыли о Христе. // Журнал Московской Патриархии, № 10, 2012. С. 44-49.

Эта тенденция, которую с некоторой долей условности можно назвать *маргинализацией* православия в современной общественной жизни, последние 15-20 лет парадоксальным образом уживается с другой, которая связана со всем тем, что привычно укладывается в концепцию *церковного возрождения*. Это странное сосуществование говорит о том, что общество так и не получило представления, в чем собственно заключалось возрождение. И этому во многом способствовала двусмысленная позиция Церкви. На протяжении двадцати лет Церковь делала акцент не на творческом усилии по освоению современной культуры, а скорее на апелляции к прошлому, реконструкции того, что было.

Девизом этого двадцатилетия можно назвать слова из стихиры Всем святым, в земле Российской просиявшим: «Русь Святая, храни веру православную»²⁷. Пожалуй, это единственная цитата из литургических текстов, которая стала крылатым выражением.

Сама стихира поется очень торжественно и энергично на 2-ой глас, но богословская проблема, связанная с ней остается нерешенной. Одно дело литургическая поэзия, а другое дело — девиз эпохи, руководство к действию. С богословской точки зрения, эта формула выглядит некорректной и далеко не полной. Увидеть это можно, сравнив ее с заповедью, которую Господь дал Адаму в Эдеме: «И взял Господь Бог человека, [которого создал,] и поселил его в саду Едемском, чтобы возделывать его и хранить его» (Быт. 2, 15). Таким образом задача *хранить* хоть и присутствует, но на втором

.....

²⁷ Стихиры на стиховне, глас 2: «Новый доме Евфрафов, уделе избранный, Русь Святая, храни веру православную, в нейже тебе утверждение».

месте, а на первом — возделывать, то есть творчески развивать. Надо обратить внимание и на то, что Адаму, когда Господь изгнал его из сада Эдемского после грехопадения, предписывалось «*возделывать* землю, из которой он взят» (Быт. 3, 23). Заповедь *хранить* в наш мир после изгнания Адама из рая не переходит.

В православной среде часто можно услышать: «Давайте сохранять традиции!», «Пренебрежение традициями очень опасно». Вроде бы речь идет о здоровом христианском консерватизме, однако надо сделать существенную оговорку. О каких собственно традициях мы говорим?

Огромных нравственных и интеллектуальных усилий требует реальное стремление заглянуть вглубь за Октябрьский переворот, за 1917-й год. Слишком много времени прошло, слишком много поколений сменилось, слишком многие носители этой традиции оказались уничтожены. И даже обращение к церковным традициям XIX — начала XX веков для нас неминуемо превращается в историческую реконструкцию, в любительский спектакль. Нет живых носителей этих традиций, и даже русская эмиграция не может здесь помочь. Традиции, которые помогали *транслировать* церковное предание от одного поколения к другому, фактически перестали работать. И это не специфически русская или специфически православная проблема. То же самое происходит во многих странах. Например, в Великобритании в Сурожской епархии, несмотря на многолетие труды талантливого проповедника митрополита Антония Сурожского, в храме практически нет прихожан «второго поколения» — ни русские эмигранты, ни англичане, привлеченные проповедью митрополита Антония, в подавляющем большинстве не сумели воспитать своих детей в вере.

Старые традиции в целом не работают. Конечно, есть исключения, и в некоторых замкнутых сообществах ценой огромных усилий их удастся сохранить. Но это именно редкое исключение.

Как христианину мне это особенно неприятно признавать, но единственной консервативной силой в России сегодня являются коммунисты. Они говорят от лица *живой традиции* — и в этом один из секретов их привлекательности не только для пенсионеров, но и для молодежи. Поэтому, если говорить о нынешнем багаже России — культурном, историческом, социальном, философском и религиозном — в живых осталась только одна традиция, которую все знают, помнят и могут передать своим детям. Это *советская традиция*.

Однако, несмотря то, что Церковь все эти годы столь активно прибегала к охранительной риторике, которая так нравится радикальным православным группам, действовала в другом направлении. Церковь стремилась творчески использовать те возможности, которые открываются в современном мире, учитывая социальный и политический контекст, новые технологии и возможности. Подводя итоги двадцатилетия церковной жизни, историк Алексей Беглов утверждает:

«Мы имеем дело не с механическим восстановлением когда-то утраченного, а с процессом инкультурации, с творческим процессом вхождения Церкви в современную — модерную и постмодерную — культуру России и всех стран постсоветского пространства»²⁸.

.....
²⁸ Beglov Alexey. Through Thick and Thin // Russia Profile. 19.09.2011. URL: http://russiaprofile.org/culture_living/45540.html

Вот основные примеры инкультурации, не имеющие никакого отношения к возрождению дореволюционных традиций:

открытие воскресных школ, которых в истории Православной Церкви в России прежде не было;

введение в средней школе культурологического курса «Основы православной культуры», который по сути является компромиссом Церкви со всё еще советской в своей идейной основе системой государственного образования;

активное освоение интернета и основанных на нем коммуникационных технологий;

организация телевизионных трансляций рождественских и пасхальных богослужений, причем одна из камер работает в алтаре;

использование монолитных конструкций и других технологических новшеств в строительстве.

Если же говорить о содержании, то нарочитое использование в проповеди языка советской эпохи с упором на «духовность», «ценности» и «нравственность» также не имеет никакого отношения к возрождению церковных традиций.

Сегодня даже на уровне риторики потенциал обращения к прошлому исчерпан, и в прежнем виде он больше не работает. Так не пришла ли пора признать, что «церковное возрождение» было не столько реальностью, сколько удобной идеологической конструкцией, и относилось оно исключительно к хозяйственным и строительным работам? Да и то с существенными оговорками. Так что правильнее было бы его назвать «реконструкцией с элементами реставрации».

Да, возможность открытого исповедания веры позволила открыть тысячи новых приходов и сотни

монастырей, более убедительно отстаивать интересы Церкви в диалоге с государством, с нуля создать сотни благотворительных и социальнозначимых проектов, открыть тысячи воскресных школ, сформировать уникальный, по большей части обособленный рынок православной литературы... Но на практике церковное возрождение во многом было сведено к строительству и реставрации храмов, массовым крещениям без катехизации, открытию монастырей и семинарий преимущественно по административным мотивам и соображениями престижа.

Я считаю, что на новом этапе церковной жизни наша идентичность, ощущение «большого и общего», по выражению Максима Трудюлюбова, должно быть построено на новом фундаменте. Наша творческая задача — создать в России *новые христианские традиции*, заложить основы реального *христианского консерватизма*. Эта задача сформулирована радикально и даже провокативно, но нам ничего иного не остается. Говоря о традициях, я, конечно, имею в виду прежде всего традиции внелитургические — семейной жизни и приходской жизни, которые взаимодополняли бы друг друга. Нужны «работающие» христианские традиции, основанные на опыте Церкви и в то же время укорененные в нашей политической, социальной и культурной реальности. Такого еще не было в истории Церкви. Это должно быть новое, живое творчество, отвечающее на важную потребность — формирование сообщества православных семей, живущих без надрыва и без преодоления бессмысленных «традиций», оставшихся в наследие от синодального или советского периода. Эту великую творческую задачу необходимо решить даже не столько ради нынешнего

поколения христиан, сколько ради детей. Предъявить убедительную общественную силу, не декларативно, а реально опирающуюся на христианскую традицию, можно будет только после того, как эта живая христианская традиция окрепнет. По-видимому, это случится не раньше, чем в следующем поколении.

Однако действовать надо прямо сейчас, и можно начать, как мне представляется, с творческого подхода к организации церковной жизни. Ритм и строй существования прихода должен быть осмыслен с точки зрения наибольшего удобства для реальных членов прихода, их полноценного вовлечения в жизнь общины, создания канонических норм для активного участия прихожан в управлении приходской жизнью. Это единственный путь, который позволит прихожанам почувствовать свою ответственность за приход, а не перекладывать ее на случайно назначенного настоятеля и тех спонсоров, которых он с собой привел.

Сделать это сегодня достаточно сложно, так как сформировался очень стойкий «охранительный» стереотип: «Никакие перемены невозможны, перемены опасны». Разговоры о вхождении Церкви в жизнь современного общества воспринимаются частью православных с недоверием и критикой - как «неблагочестивые». Но чем дольше и упорнее церковное сообщество будет отказываться признавать необходимость инкультурации и создания новых традиций, тем скорее и глубже будет происходить маргинализация православных.

Субкультура, идеология, расцерковление... и усталость от Церкви

События общественной и церковной жизни ясно указывают — в жизни Церкви начинается новый этап. Перед ее представителями — епископатом, духовенством, богословами, миссионерами и педагогами стоит задача объяснить, как будет дальше развиваться церковная жизнь. Однако найти язык для описания уже сложившейся церковной жизни пока не удалось. Попытки рассказать о происходящем через «православную идеологию», «церковные субкультуры» и даже «усталость от Церкви», безусловно, интересны, но недостаточны. Тем не менее, основные подходы стоит обозначить.

Первым о церковной субкультуре в довольно мягкой форме заговорил митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл на встрече с рок-музыкантами в 2006 году:

«Если говорить, о предмете нашей встречи, то здесь речь идёт о взаимодействии субкультур. Собственно говоря, что такое «литургическая культура»? Это субкультура. Может ли субкультура претендовать на то, чтобы стать культурой для всех? Может, но весьма сомнительно, что она действительно этой культурой станет и всех объединит. А Церковь призвана спасать всех. И здесь мы входим в соприкосновении с очень болезненными темами»²⁹.

.....
²⁹ Цит по.: Ступников Денис. Лазарева суббота русского рока // Правая.ру. 19.04.2006. URL: <http://pravaya.ru/dailynews/7420>

Действительно, при такой постановке вопроса ответ очевиден: православная литургическая культура не может сегодня стать объединяющим началом для нации. И, если так, то это еще раз подтверждает мою мысль о том, что неправильно говорить о «церковном возрождении» как о *состоявшемся событии*. Констатация будущего, на тот момент, патриарха, что это «болезненная тема», относилась не столько к самой литургической культуре, сколько к оценке общих итогов «церковного возрождения». Однако тогда эти важные слова никто не услышал.

Через пять лет после митрополита Кирилла церковный публицист, настоятель подворья московского Данилова монастыря в селе Долматово игумен Петр (Мещеринов) использовал понятие «церковной субкультуры» для описания кризиса церковного самосознания. Фактически он продолжил ту мысль, которую не закончил митрополит Кирилл. Однако здесь появились и новые оттенки смысла: игумен Петр обращает внимание на неправильное воцерковление, «когда вместо возрастания в красоту и свободу Христовой Церкви человека «втискивают» в жёстко очерченные внешнерелигиозные схемы, в идеологию и субкультуру»³⁰.

Игумену Петру потребовались новые понятия — в центр он ставит проблему *расцерковления*, непосредственно связанную с «качеством веры» и ставшую закономерным следствием искаженного воцерковления. Проблема заключается в том, что один из первых этапов церковной жизни — обучение внешней церковности — в последние годы воспринимается как норма

.....
³⁰ Петр (Мещеринов), игумен. В защиту расцерковления. // Религо.ру. 12.03.2011. URL: <http://religo.ru/columns/13874>

всей церковной жизни. Со временем же возникает внутренний конфликт, который имеет и внешние проявления:

«Ради сохранения и приумножения жизни в Боге христианину приходится выходить за пределы постоянно воспроизводящегося воцерковления и искать свои формы дальнейшего, более зрелого церковного существования. Но следствием этого является неизбежное «взламывание» субкультуры: богослужение, посты, святые отцы, духовничество, внутри- и внешнецерковные идеологемы и прочее становятся служебными, не довлеющими, второстепенными для личностной христианской жизни. С точки зрения субкультуры это и есть вопиющее и непростительное расцерковление. Те, кто объективно вырастает из субкультурной церковности, расцениваются ею как гордецы, либералы, модернисты, «апостаты», разрушители церковных уставов и т.п.»³¹.

Поэт и богослов Ольга Седакова также размышляет о проблеме «качества веры», но главную опасность видит в широком распространении «церковной идеологии», которая подменяет веру и становится препятствием к участию в жизни Церкви:

«Церковная идеология защищает своего адепта от встречи с реальностью и от встречи с Богом, предлагая ему иной, лучший мир, где все ясно и все правильно. Живи так — и не ошибешься, не погибнешь, ты уже спасен. Вот ты усвоил эти рецепты, и все, это и есть вероучение. Главное, не смущайся: все

.....
³¹ Там же.

остальное — соблазны. Увидишь что-то странное, не думай об этом — это соблазны, иди дальше»³².

К сожалению, эти проблемы остались на уровне религиозно-философской публицистики и не нашли отражения ни в церковных дискуссиях, ни, в частности, в официальных документах³³.

Если для самих православных идеология начинает заслонять веру, то очень скоро это становится заметно и для «внешних». Одним из первых в январе 2011 года об этом с тревогой заговорил протоиерей Алексей Уминский, настоятель московского храма Троицы в Хохлах и ведущий телепрограммы «Православная энциклопедия», в статье «Немолчащая Церковь»:

«Сейчас очень многие неверующие люди, далекие пока от Церкви, но которые могли бы к ней повернуться, от нее отворачиваются, разочаровываются, потому что... Церковь сегодня не говорит ничего такого, о чем думают и говорят все люди, о тех проблемах, которые нас тревожат»³⁴.

За время, прошедшее с момента публикации этой статьи, положение лучше не стало. О том, что ситуация

.....
³² Седакова Ольга. Субкультура или идеология? // Религо.ру. 28.03.2011. URL: <http://religo.ru/columns/14179>

³³ В частности, об этом ни слова не говорит утвержденный Священным Синодом 27 декабря 2011 года «О религиозно-образовательном и катехизическом служении в Русской Православной Церкви» // Церковный вестник. 04.07.2012. URL: http://e-vestnik.ru/docs/o_religiozno-obrazovatelnom_i_5258/

³⁴ Алексей Уминский, протоиерей. Немолчащая Церковь // Православие и мир. 13.01.2011. URL: <http://www.pravmir.ru/nemolchashhaya-cerkov/>

только обостряется, эмоционально говорит Дмитрий Сладков, член Межсоборного присутствия Русской Православной Церкви и колумнист журнала «Фома»:

«Люди не дураки. У них есть глаза и уши. И они делают выводы не из того, что мы говорим, пусть даже очень правильное, а из того, какие мы сами»³⁵.

Эти разговоры идут на фоне значительно возросшего количества критических публикаций о Церкви в светских СМИ и особенно в соцсетях. Протоиерей Владимир Вигилянский назвал это «информационной войной против Церкви». Но антиклерикальная позиция большинства СМИ выглядит весьма неоднозначно. За что, например, критикуют христиан на Западе? Прежде всего — за верность Евангелию. Им обычно говорят: «У нас есть демократические принципы, защита меньшинств, права человека, а вы со своими христианскими устоями не вписываетесь в наше общество. Ваше христианство нарушает наши законы». В российских СМИ помимо простого непонимания и эмоционального возмущения действиями Церкви звучат и очень серьезные претензии: «Христиане, посмотрите на себя — вы плохо следуете евангельскому идеалу».

Напряжение растет, и критика Церкви продолжается. Но во многих публикациях звучит *конструктивная критика*. Услышать ее, найти возможность и духовные силы ответить на эту критику не только на словах, но на деле, будет самым лучшим продолжением разговора. Если Церковь станет чуткой к конструктивной критике и научится признавать свою неправоту там, где

.....
³⁵ Сладков Дмитрий. Вразумление атеизмом // Фома. 05.10.2012. URL: <http://www.foma.ru/vrazumlenie-ateizmom.html>

она есть, общественная ситуация существенно изменится: путь к глубокому и содержательному диалогу с обществом будет открыт. Независимый журналист Анна Голубева пишет:

«Жизнь РПЦ не будет прежней. Постсоветский карантин, вовремя или нет, нравится нам это или нет, похоже, окончен — с нами (с православными — СЧ) теперь будут разговаривать по-взрослому, без скидок. Ссылки на исторические заслуги и великую культурно-цивилизующую роль Русской церкви, сколь бы справедливы они ни были, не помогут: новое время требует подтвердить наши полномочия и привилегии»³⁶.

Однако сделать это крайне трудно из-за глубокого отчуждения между Церковью и современным российским обществом, о чем говорит протоиерей Георгий Митрофанов:

«Когда выясняется, что у Церкви есть свои проблемы, в которых отчасти виноваты сами ее представители, отчасти предшествующая история, у людей возникает мелкое желание подчеркнуть теневые стороны церковной жизни»³⁷.

Дальнейший сценарий развития событий предвидеть трудно. Но отсутствие диалога может привести к росту взаимного разочарования, которое сменится еще более сильным ожесточением и отчуждением.

.....
³⁶ Голубева Анна. Приговор. // Кольта.ру. 17.08.2012. URL: <http://www.colta.ru/docs/4391>

³⁷ Митрофанов Георгий, прот. Возрождения не случилось. // Журнал "Огонёк", №26 (5235), 02.07.2012 URL: <http://www.kommersant.ru/doc-y/1957055>

Церковь и общество: осмысление отношений

У современного общества высокая динамика — социальные, экономические и политические перемены происходят стремительно. Как Церкви участвовать в общественной и политической жизни, если описать эти перемены с христианской точки зрения далеко не всегда возможно? И вместе с тем существует очевидный запрос на оценку многих процессов и явлений с точки зрения Церкви, в евангельской перспективе.

Убедительный христианский взгляд на общество и общественный идеал был сформулирован небольшой группой духовенства и мирян десять лет назад и воплотился в Основах социальной концепции Русской Православной Церкви, принятой в 2000-ом году Архиерейским Собором. Это была важная попытка оторваться от советского прошлого, от интерпретаций и подходов, которые были характерны для советской эпохи, с одной стороны, и для сектантского неприятия государства и общества, с другой.

Однако сегодня следует признать, что в целом этот документ не вызвал интереса ни у духовенства, ни у мирян. Будучи формально позицией Церкви, эти взгляды не вошли в церковную жизнь, не стали органичной частью современного православного мировоззрения.

Документ «Общественная деятельность православных христиан» — это первая попытка обобщить реальный опыт последнего десятилетия и побудить православных к общественной деятельности. В его основе лежит проект одного из наиболее авторитетных представителей православной общественности Дмитрия Сладкова.

Центральный тезис звучит ясно, и в целом это безусловно «разрешительный» документ:

«Православный христианин может участвовать в общественной деятельности во всем ее современном многообразии, в том числе совместно с людьми других убеждений, сообразуясь со своей христианской совестью. Такую деятельность следует осуществлять благими и законными методами, в духе Священного Писания и Священного Предания. Она не должна прямо или косвенно наносить вред обществу или личности, провоцировать насилие, приводить к деградации и распаду общественных отношений или к гибели государства. Общественная деятельность — это прямая возможность для христианина свидетельствовать перед внешним миром о Христе Спасителе»³⁸.

Далее следует довольно жесткое (учитывая сложившийся стиль официальных документов) обращение к церковной иерархии, причем епископат как адресат здесь выделен особо:

«Архиереи, равно как и клирики, призываются к тому, чтобы осуществлять ответственное попечение об общественной деятельности православных христиан с любовью и рассудительностью, уважая свободу суждений»³⁹.

Здесь есть прямое указание на очевидную проблему — епископат далеко не всегда уважает свободу суждений,

.....
³⁸ Общественная деятельность православных христиан // Патриархия.ру. 02.02.2011. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1400931.html>

³⁹ Там же.

особенно, если речь идет о подчиненных ему клириках и мирянах. Но документ всё равно вызывает вопросы. На каком основании общественная деятельность мирян должна контролироваться духовенством и епископатом? Обманываться здесь не стоит: «попечение» — это известный эвфемизм, который говорит именно о контроле.

Что скрывается за таким стремлением *контролировать*? Неуверенность в том, что православные миряне в общественном пространстве смогут вести себя небезупречно с точки зрения вероучения и евангельской морали? Да, это возможный мотив. Но есть и другой — опасение, что будет создан широкий спектр общественных организаций, в том числе на разных идеологических основаниях, который будет практически невозможно контролировать.

В результате этот документ не стал стимулом к созданию новых церковно-общественных организаций. Насколько мне известно, никто на него так и ни разу не сослался и в публичных выступлениях не упомянул.

Получается, что Церковь принимает много хороших документов, способных изменить церковную жизнь к лучшему. Но большинство из них не работает. Одна из важнейших задач — проанализировать, почему это происходит, и сделать так, чтобы эти документы работали, способствуя церковной консолидации и внутрицерковному диалогу. Пока же очевидно: даже когда формулируется официальная церковная точка зрения, далеко не все члены Церкви готовы ее разделить. Возникает неудобный вопрос: что же такое единая позиция Церкви? Конечно, по большинству недогматических вопросов ее и не может быть (свободу мнений

никто не отменял). Но проблема Русской Православной Церкви состоит в том, что у одних групп, считающих себя частью церковного сообщества, нет ясной позиции вообще, а у других — они обычно диаметрально противоположны.

Церковь и общество: история отношений в недавнем прошлом

Для того, чтобы понять, как сложилось то церковное сообщество, которое мы имеем сейчас, важно вспомнить, как оно создавалось двадцать лет назад. Стремительный рост мирянского движения в постперестроечной России, участие христианских политиков в деятельности Верховного Совета СССР и объединение многочисленных групп в Союз православных братств (СПБ) в октябре 1990 года — это, на мой христианский взгляд, центральное событие тех лет.

Пик пришелся на 1990-92 годы, когда в СПБ стояло более 120 организаций. Но затем это стихийное движение, не имея ясных целей и духовного руководства, раскололось. Не самое многочисленное, но, безусловно, весьма активное сообщество мирянских групп своей главной задачей считало сформировать «православную идеологию» и широкое православно-патриотическое движение. Росло влияние таких убеждённых православных монархистов и русских националистов как Владимир Осипов, основатель союза «Христианское возрождение». Игумен Кирилл (Сахаров), второй председатель СПБ, вспоминал, что уже на Втором съезде организации в 1992 году «большинство

участников высказывались за православную монархию, как единственную, Богом установленную, политическую систему»⁴⁰. Тут же начался и поиск врага среди своих. Осенью 1993 года СПб стал первой организацией, которая обратилась к Патриарху Алексию II с призывом обратить внимание на деятельность братства «Сретение» и предупредить священника Георгия Кочеткова, активно занимавшегося катехизацией и переводившего богослужение на русский язык, о недопустимости без благословения высшей церковной власти вносить какие-либо изменения в богослужение.

Более многочисленная группа братств и сестричеств не была готова к идеологическому противостоянию и предпочла выйти из СПб, ограничиться своей повседневной работой. В этой ситуации руководители большинства братств не смогли убедительно доказать церковной иерархии, что они — часть Церкви, а не «внешние» общественно-политические группы, прикрывающиеся православной риторикой.

Епископат в то время не имел никакого опыта взаимодействия с мирянскими организациями и даже не подозревал, что они могут быстро возникнуть в постсоветской России. Реакция на новое и непонятное была вполне предсказуемой. В 1994 году Архиерейский собор жестко привязал деятельность братств и сестричеств к конкретным приходам и фактически подчинил их настоятелям⁴¹. Братствам было предложено действовать «по бла-

.....
⁴⁰ Кирилл (Сахаров), игумен. Союз православных братств. // URL: <http://спбр.рф/>

⁴¹ «Братства и сестричества в своей религиозной, административно-финансовой и хозяйственной деятельности

гословению», которое правильнее было бы назвать строгим контролем со стороны церковной иерархии. Большинство братств объединяли членов разных приходов, и их руководство не смогло адаптироваться к решениям собора⁴². Эти братства фактически распались.

Еще одна немаловажная причина «затухания» мирянского движения, как это ни покажется странным, — нехватка кадров. В начале девяностых Церкви потребовалось такое количество новых священников, которое существовавшие на тот момент семинарии были не в состоянии обеспечить. Тогда многие молодые церковные люди, которые могли бы составить «костяк» мирянских организаций, были рукоположены в священный сан. Таким образом православная общественность «лишилась» своих активных и наиболее воцерковленных членов, которые могли бы прийти на смену старшему поколению.

В конце 1990-х — начале 2000-х общественная и политическая деятельность мирянских групп была представлена в скромных, а порой и карикатурных формах. Это были авторские микроскопические проекты, не

.....
через настоятелей приходов подчинены и подотчетны епархиальным архиереям. Братства и сестричества исполняют решения епархиальной власти и настоятелей приходов». (Глава XI параграф 15 Устава Русской Православной Церкви в редакции 2000 г. с поправками 2008 и 2011 гг.)

⁴² Примечательно, что примерно в то же время — в 1995 году — был реорганизован, а фактически разгромлен и важный интеллектуальный центр Русской Православной Церкви 1960-80 годов — Издательский отдел Московской Патриархии во главе с митрополитом Волоколамским и Юрьевским Питиримом (Нечаевым, + 2003).

оказавшие существенного влияния ни на жизнь Церкви, ни на общество. Некоторые из них даже назывались практически одинаково, как будто были созданы под кальку — СПб, СПХ, СПГ (т.е. Союз православных, а дальше можно подставлять — братств, хоругвеносцев, граждан и т.п.).

Однако несколько крупных братств всё же сохранилось. Они в разных формах продолжают свою деятельность — от организации одного из крупнейших учебных заведений Церкви Свято-Тихоновского университета до поддержания в разных городах России содружества небольших мирянских групп-братств (связанных с именем священника Георгия Кочеткова), занимающихся катехизацией порой более эффективно, чем традиционные приходские общины.

Конечно же, деятельность мирян не ограничивается институциональными формами различных общин, союзов и братств. Важная роль в жизни Церкви принадлежит «одиночкам», которые в самых разных сферах — в академических институтах, в светских учебных заведениях, в искусстве, в журналистике — формируют культурный и интеллектуальный контекст церковной жизни.

Особое место в общественной деятельности православных христиан занимают благотворительные и волонтерские организации,⁴³ но специфика их деятельности заключается в том, что они ведут преимущественно целевые локальные проекты. И по количеству, и по

.....
⁴³ Служба «Милосердие», объединившая 18 организаций, связанных с Синодальным отделом по социальному служению и благотворительности; «Даниловцы»; фонд «Предание»; фонд помощи детям-сиротам и многодетным семьям им. Ю.А. Гарнаева «Русская берёза» и многие другие.

своему составу, и по объему конкретной работы подобные благотворительные организации гораздо меньше светских. Но противопоставления здесь нет — значительное число православных работает и в светских благотворительных организациях.

Однако даже деятельность волонтеров, в том числе и православных, имеет политический контекст, утверждает обозреватель радиостанции «КоммерсантъFM» Константин Эггерт:

«В сегодняшней России участвовать в волонтерских акциях — это, по сути, значит участвовать в политике. Во-первых, добровольцы зачастую оказываются эффективнее государственных структур, и это видят люди. Во-вторых, не исповедовать принцип “Моя хата с краю” — это своего рода вызов философии российской власти»⁴⁴.

Именно поэтому, государство не заинтересовано в появлении каких бы то ни было общественных (и мирянских в том числе) движений, которые объединяются не по материальному, а по идейному принципу. Даже назначение представителей Русской Православной Церкви в Общественную палату носит исключительно номенклатурный характер. Следует признать, что общественная деятельность православных не только не нужна нынешней власти — она, в принципе, не интересует ни государство, ни Церковь, хотя в Ежегодном докладе о состоянии гражданского общества в Российской

.....
⁴⁴ Эггерт Константин. В сегодняшней России участвовать в волонтерских акциях, по сути, значит участвовать в политике // КоммерсантъFM. 10.07.2012. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1977518>

Федерации за 2011, составленном Общественной палатой, говорится, что только добровольческую деятельность через приходские общины и религиозные организации осуществляют около 1 млн человек⁴⁵. Неслучайно, что опыт общественной деятельности православных христиан в России до сих пор не обобщен, даже обзорные материалы на эту тему отыскать крайне трудно.

Правые-центр-левые: конструкция не работает

Современное церковное сообщество очень разнородно, а потому его трудно описать с помощью традиционной трехчастной схемы: правые-центр-левые. Однако ее можно использовать, чтобы показать особенности соотношения сил внутри Церкви. До последнего времени все попытки создания типологии оказывались неудачными. Да и о терминах, безусловно, можно спорить.

Первый вариант. Деление по идеологическому основанию. Это наиболее простой и вполне очевидный вариант, по крайней мере, для людей знакомых с церковной публицистикой последних лет. В этой схеме я учитываю лишь те сообщества, позицию которых можно описать через идеологию, систему взглядов или набор принципов. Справа будет православно-патриотическое движение, в центре — так называемое «молчащее большинство», слева — «церковные либералы».

.....
⁴⁵ Ежегодный доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2011. С. 27. // <http://www.oprf.ru/files/dok2012/dokladOPRF2011.pdf>

Казалось бы, можно с уверенностью говорить о том, что у нас есть многочисленные и сильные правые. Но кто эти правые? Это действительно традиционалисты и консерваторы? Трудно говорить об этом всерьез после того, как три поколения в России выросли только на советских традициях, и обращение к христианским традициям — это реконструкция, пусть искренняя и благочестивая, но все-таки игра. Вполне уместно правых называть «православно-патриотическим движением», которое с идеологической и организационной стороны, пожалуй, давно оформилось. Поэтому термин вполне устоявшийся.

Зато другой термин — «церковные либералы» — удачным назвать трудно. Казалось бы, в Церкви есть либеральное крыло. Но оно не требует реформ, не имеет и не стремится иметь свою программу. У него нет своих лидеров. Эта группа малочисленна. Не то что сегодня, но и в перспективе ближайших лет, эта группа не сможет сыграть существенной роли в церковной жизни. На мой взгляд, более удачное название для этой группы — либерально-консервативная интеллигенция.

В середине 1990-х «правые» стали называть «левыми» «неообновленцами». Этот термин, хоть и хлесткий, но категорически несправедливый, так как пыгается установить связь сегодняшних сторонников церковных реформ с обновленцами 1920-30 годов, для которых церковные реформы были средством решения очень специфической для наших дней задачи. Это был сословный бунт белого духовенства против церковной иерархии. Пределом их мечтаний был женатый епископат. В начале 1920-х годов этим умело воспользовалось ЧК, поддержав обновленцев в борьбе против патриаршей Церкви. Исторический урок обновленчества — это

крах попыток использовать государство, уже враждебное Церкви, богоборческое, для решения своих церковных задач. Не этим ли сегодня занимаются сами «православные державники»? Так что в этом смысле «неообновленцами» даже скорее можно назвать их самих.

Что же тогда в этом случае центр? «Молчаливое большинство» до последнего времени никто не спрашивал, и оно всё еще не имело возможности высказаться.

Как же его услышать? В самой Церкви такие механизмы еще не созданы. Уточнить некоторые цифры и увидеть определенные тенденции помогают различные социологические и религиоведческие исследования⁴⁶. Сегодня уже нельзя не говорить о том, что общее количество тех, кто в опросе называет себя «православными» (70–80%), и тех, кто с точки зрения церковного установления может действительно считаться членом Церкви (38–40%), отличается в два раза. Но даже если речь идет о 40% — это очень много. Это все равно самая большая религиозная община в современной России. Нам нужно и дальше внимательно всматриваться в эти «40%», чтобы понять, каково качество их веры, и решить, в чем Церковь может на них опереться.

Пока что, приходится с грустью констатировать: это большинство по-прежнему мыслит и верит в рамках описанного в начале статьи «постсоветского православия». Но если в Церкви побеждает «постсоветское православие», то вторая группа — также с некоторой долей условности названная в публицистике «православная интеллигенция» — оказывается под давлени-

.....
⁴⁶ См. Насколько православны наши православные. — Журнал Московской Патриархии // URL: http://e-vestnik.ru/interviews/sociology_vocercovlenie/

ем. А это значит, что происходит радикальное смещение центра тяжести.

Второй вариант с условным названием «Правые в центре». На эту тенденцию стоит обратить особое внимание. За последние год-два произошли неожиданные изменения. Православно-патриотическое движение, получив знаки символической поддержки со стороны некоторых синодальных учреждений, пытается выдать себя за центр. Мол, мы-то и являемся тем самым «молчаливым большинством», о существовании которого многие только слышали, но его еще не видели. В результате такого смещения правых к центру, собственно центр оказался вытеснен влево. Дальнейшая задача правых намечена вполне определенно — показать, что либерально-консервативный центр — это вообще за пределами Церкви⁴⁷. А справа при таком раскладе находятся радикальные группы, не выдержавшие испытания «эсхатологическим чувством» — непримиримые борцы с ИНН, «пензенские сидельцы», диомидовцы и т.п. Однако считать их «просто правыми» — большая ошибка. Это именно радикальные группы, имеющие собственное, по сути не православное, а сектантское понимание природы и границ Церкви⁴⁸.

Часть организаций и отдельных священников и церковных публицистов трудно отнести к какой-либо группе, так как они в зависимости от ситуации могут выступать то с православно-патриотических, то с либерально-консервативных позиций. В свою очередь те, кто

.....
⁴⁷ Как это происходит, я описываю в следующих главах.

⁴⁸ Чапнин Сергей. О церковном сознании некоторых общин и мирянских групп в современной России // URL: <http://www.theolcom.ru/uploaded/259-274.pdf>

в целом находятся на либерально-консервативных позициях, в некоторых вопросах могут солидаризироваться то с патриотами, то с «левыми». Однако такая солидарность, как правило, не носит публичного характера.

Третий вариант. Деление по церковному основанию.

Если отказаться от идеологической доминанты и опереться на тех, кто активно участвует в церковной жизни, то общая картина будет выглядеть иначе. В основу классификации здесь положено понимание церковного возрождения, описанного в главе «Реконструкция с элементами реставрации». Справа — те, кто преимущественно за реконструкцию, слева — те, кто за инкультурацию.

Те, кого сегодня «православные патриоты» упорно называют «либералами», на самом деле представляют либерально-консервативный центр. Это прежде всего авторитетное приходское духовенство Москвы и Санкт-Петербурга, среди которых в последнее время наиболее известны благодаря своим выступлениям, например, протоиереи Алексей Уминский и Георгий Митрофанов. К этой же группе можно отнести и преподавательский состав многих духовных школ. Справа от них — немногочисленная группа духовенства и мирян, которая ориентированна на серьезную монашескую традицию, связанную с 10-20 «состоявшимися» монашескими общинами. Слева — приходы и интеллектуальные кружки, занимающиеся прежде всего катехизацией и миссией среди населения городов-миллионников. Эти группы проявились в дискуссии 2011 года вокруг документа о роли церковнославянского языка в жизни Церкви⁴⁹.

.....
⁴⁹ Мурзин Евгений. Книжная справа в XXI веке // Журнал Московской Патриархии, № 9, 2011. URL: http://e-vestnik.ru/analytics/redaktirovanie_bogoslužebnyh_knig_3535/

Православно-патриотическое движение. Второе дыхание?

Почувствовав смещение центра тяжести в свою сторону, «державники» от православия, очевидно, видят себя главной церковной силой в современной России. В риторических фигурах их проповедников сквозит мания величия: они заявляют о своей позиции как о *позиции всех русских людей*, хотя определить их реальную группу поддержки довольно затруднительно.

Пожалуй, самые яркие выступления у «православных патриотов» получаются, когда они рассуждают о катастрофах и стихийных бедствиях. Здесь они в полной мере могут предаться их главному и любимому занятию — описанию врагов России и Православия, а также причин кары Божией. Вот так священник Александр Шумский осмысляет мощнейшее землетрясение и цунами в Японии в марте 2011 года:

«Практически все русские люди, в один голос, не сговариваясь, утверждают, что страшный природный катаклизм в Японии есть возмездие этой стране за оскорбление нашего Отечества. Все хорошо помнят, как после посещения Курильских островов российским Президентом в Японии топтали его портреты, сжигали и рвали российский флаг. Флаг любой страны есть её главный символ. Разрывание и сжигание флага означает символическое уничтожение страны. За символическими действиями, как правило, следуют практические, Япония к ним, очевидно, готовилась. Вот и вернул ей Господь бумерангом то, что причитается за ошибочные символические действия и намерения. Другим странам тоже есть над чем задуматься.

Ведь сегодня Россию, словно раненного зверя, каждый подонок норовит пнуть ногой, плюнуть в неё и тому подобное»⁵⁰.

Вообще, усматривать причину всех природных катаклизмов и трагических событий в оскорблении или православных, или России в целом — одна из особенностей этой группы. По той же самой схеме Александр Шумский говорит и о трагедии в Крымске, объясняя ее карой Божией за нежелание краснодарского губернатора Александра Ткачева разобраться с преступностью и за поддержку, оказанную им «сатанисту»-галеристу Марату Гельману⁵¹. При этом свои главные надежды Шумский и такие, как он, связывают лично с Владимиром Путиным. Они признают особую духовную миссию президента России и наделяют его чертами христианского императора, помазанника Божия:

«И сегодня становится всё яснее, что если дело сатанисток из Pussy Riot, совершивших ритуальное осквернение главного храма страны, останется безнаказанным, то ждет нас уже не только наводнение, но и серный огненный дождь. Сейчас мы все очень надеемся на нашего Президента Владимира Путина и молимся о том, чтобы исполнились на нем слова пророка Исаяи: «Ты восстановишь основания многих

.....
⁵⁰ Шумский Александр, священник. Конец «японского чуда» // Русская народная линия. 14.03.2011. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2011/03/14/konec_yaponskogo_chuda

⁵¹ Шумский Александр, священник. Кущевка – Гельман – и потоп // Русская народная линия. 16.07.2012. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2012/07/16/kuwewka_gelman_i_potop/

поколений, и будут называть тебя восстановителем развалин, возобновителем путей для населения» (Ис. 58, 12)»⁵².

Парадокс состоит в том, что несмотря на безусловную лояльность «православных державников» президенту, они параллельно — уже не меньше десяти лет — участвуют в борьбе против ряда государственных программ, например, против введения в законодательство новой нормативной базы по ювенальной юстиции и электронной обработке персональных данных. Чтобы оправдать это противостояние государству, они прибегают к идеологии черносотенцев начала XX века:

«Ныне православно-патриотическое движение оказалось примерно в тех же условиях, в каких были наши предшественники православные патриоты в начале XX века. Тогда монархисты-черносотенцы, безусловно, поддерживали верховную власть Государя Императора и при этом критиковали те или иные решения министров, губернаторов и представителей иных институтов государственной власти, особенно Госдумы и Госсовета... Часто черносотенцев называли «революционерами справа», требовали стопроцентной лояльности власти... Однако православные патриоты занимали по ряду вопросов принципиальную позицию. При этом черносотенцы никогда не требовали отстранения от власти носителя Верховной

.....
⁵² Шумский Александр, священник. Куцевка – Гельман – и потоп // Русская народная линия. 16.07.2012. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2012/07/16/kuvevka_gelman_i_potop/

власти — Императора. И мы должны учиться на примере черносотенцев»⁵³.

«Православные державники» пытаются воспользоваться старой матрицей: «царь — хороший, но он не знает, что у него делают министры». Однако, они не могут не помнить, что нынешний «царь» еще недавно сам руководил кабинетом министров, и рассчитывать на то, что он чего-то не знает, еще более наивно, чем сто лет назад.

Беда в другом. Довольно безуспешно сражаясь против ювенальной юстиции и электронного контроля, «православные державники» не замечают других законов и реформ, которые прямо ведут к ликвидации социального государства в России и прежде всего образования и здравоохранения. Таким образом получается, что эти «патриоты» борются не за права и социальные гарантии для граждан, а всего лишь за свои идеологические установки.

Внутренняя полемика с «церковными либералами»⁵⁴ у «православных державников» остаточна бессодержательна. На серьезный разговор они не готовы и постоянно скатываются на обвинения в нелояльности церковной иерархии, а при случае прямо обвиняют оппонентов в ереси и предательстве православия. При этом идеологические расхождения они стремятся выдать за

.....
⁵³ Степанов Анатолий. Как православные патриоты могут стать «третьей силой»? // Русская народная линия. 27.06.2012. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2012/06/27/kak_pravoslavnye_patrioty_mogut_stat_tretej_siloj/

⁵⁴ О них подробнее речь пойдет в главе «Расцерковление, субкультура, идеология... и усталость от Церкви».

догматические, выставляя себя «защитниками православия».

Вот характерная концовка полемической статьи на сайте «Русская народная линия»:

«При всех его (речь идет о профессоре Санкт-Петербургской Духовной Академии протоиерее Георгии Митрофанове — прим. СЧ) фарисейских, лицемерных восклицаниях и воплях о какой-то своей духовной жизни в противовес «бездуховной» Церкви, иудина сущность, как стропила из недостроенной избы, предательски торчит из интервью прот.Г.Митрофанова, готового ради чечевичной похлебки сомнительных либеральных «ценностей» предать, как Иуда Христа, Церковь Христову, ее Предстоятеля и Православие»⁵⁵.

Так о собрате-священнике позволяет себе говорить кандидат богословия, преподаватель Одесской семинарии протоиерей Георгий Городенцев.

Подобная риторика вполне укладывается в концепцию «веймарского ресентимента». Этот идеологический и этический комплекс политолог Александр Морозов описал весной 2012 года:

«В очень грубой форме, на самых нижних этажах социальной иерархии, он состоит из трудно артикулируемого «хватит плевать в нашу историю», «мы — крутые», «спасибо деду за победу», «чурки достали»

.....
⁵⁵ Городенцев Георгий, протоиерей. Хлестаков вперемежку с Иудой // Русская народная линия. 02.10.2012. URL: http://ruskline.ru/news_rl/2012/10/02/hlestakov_vperemezhku_s_iudoj/

<...> На этаже повыше ресентимент уже более респектабельный (как у Никиты Сергеевича Михалкова). А дальше идет технологическое использование ресентимента в коммерческих или политических целях. Ироничные люди, «прагматики» в разных видах мобилизуют его «на благо отечества». Содержание известно. Оно состоит из: а) латентного или явно-го неосталинизма; б) «них» — то есть соседей, «Европы», Госдепа, которые покушаются на нашу Победу; в) нерелфлексированного антилиберализма. Под «либералами» понимаются все, кто считает, что «демократия веймарской республики», то есть наших 90-х, это хорошо. Тут важен мифологический консенсус относительно девяностых; г) спорта и бодрости духа; д) «позитивного христианства» — то есть триумфалистского православия, которое всех побивает; е) «народности» и «антиинтеллектуализма» (умники всегда только «обсуждают», но никогда ничего не «решают»). Можно и дальше перечислять — потому что ресентимент проецируется на все: на искусство (оно должно быть патриотичным, монументальным, понятным народу и бодрым), на историю (история должна показывать создание нашей могучей нации), на кино (оно должно воспитывать молодежь)⁵⁶.

Дальнейшие события могут развиваться по-разному, и делать прогнозы здесь затруднительно. Но при плохом варианте «этот ресентимент начинает претендовать на все сферы частной жизни, включая дресс-код,

.....
⁵⁶ Морозов Александр. Мединский в интерьере. Позитивность фашизма // Опенспейс.ру. 23.05.2012. URL: <http://os.colta.ru/society/russia/details/37261/?expand=yes&attempt=2>

сексуальные практики, статус женщины в семье, военную подготовку школьников и проч.»⁵⁷. При таком развитии событий наше будущее — это православный фундаментализм, тяготеющий не к протестантскому фундаментализму с его опорой на Священное Писание, а к исламскому, с его активными политическими практиками.

Кто «не нужен» Церкви? Спор об интеллигенции

На сайте «Татьянин день» храма мч. Татьяны при МГУ в конце августа 2012 года вышел репортаж «Непричесанное лицо народного православия»⁵⁸. В нем шла речь о том, как несколько десятков оренбургских казаков и около сотни верующих провели на Манежной площади «молитвенное стояние». Они требовали вынести из мавзолея тело Ульянова-Ленина, а само здание снести. Не оспаривая по существу цель митингующих, автор репортажа сосредотачивается на смеси невежества и самой разной ереси, вроде «царебожия», в которую они превратили православную веру. Описывая пришедших на стояние как контингент, позорящий православие в глазах проходящих мимо туристов, журналист невольно противопоставляет такую стихийную народную религиозность «образованной»

.....
⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Александра Сопова. Непричесанное лицо народного православия // Татьянин день. 28.08.2011. URL: <http://www.today.ru/text/1187682.html>

религиозности духовенства и жителей больших городов. Это противостояние действительно есть, и оно связано с главным вопросом: «Кто нужен, а кто не нужен Церкви?»

Дискуссия о том, нужна ли Церкви интеллигенция, возник в 2011 году и продолжается рекордно долго — более года. В этот странный на первый взгляд спор оказались вовлечены и высшая церковная администрация и даже журнал «Фома», обычно избегающий конфликтных тем.

Необычная для церковных споров постановка проблемы связана с более острым чем прежде переживанием «свободы–несвободы» внутри церковной традиции. Возник конфликт свободы мысли, свободы формулировать и выражать свою позицию, с одной стороны, и жестких требований соблюдать «церковный формат», лояльность церковной иерархии с другой. Началом разговора стал очень провокационно сформулированный вопрос: что такое интеллигенция сегодня и зачем она нужна Церкви?⁵⁹

Варианты ответов на первую часть вопроса (что такое интеллигенция) показали, что каждый из участников дискуссии трактует это понятие по-своему. И в целом это отражает современное понимание интеллигенции в социологии и социальной философии.

От одного из первых примеров использования этого слова в дневниковой записи поэта Василия Жуковского от 2 февраля 1836 года («Кареты, все исполненные лучшим петербургским дворянством, тем, которое

.....
⁵⁹ Миркина Зинаида, Померанц Григорий. Нужна ли интеллигенция православной церкви? // Российская газета. 12.10.2011. URL: <http://www.rg.ru/2011/10/11/religiya-site.html>

у нас представляет всю русскую европейскую интеллигенцию») до понимания интеллигенции авторами «Вех» (1909) — огромная пропасть:

«Идейной формой русской интеллигенции является ее отщепенство, ее отчуждение от государства и враждебность к нему... Для интеллигентского отщепенства характерны не только его противогосударственный характер, но и его безрелигиозность. Отрицая государство, борясь с ним, интеллигенция отвергает его мистику не во имя какого-нибудь другого мистического или религиозного начала, а во имя начала рационального и эмпирического»⁶⁰.

Содержание понятия менялось и далее. В статье «Образованщина» (1974) Александр Солженицын отмечает:

«Насколько чудовищно мнилось до революции назвать интеллигентом священника, настолько естественно теперь зовётся интеллигентом партийный агитатор и политрук. Так, никогда не получив чёткого определения интеллигенции, мы как будто и перестали нуждаться в нём. Под этим словом понимается в нашей стране теперь весь образованный слой, все, кто получил образование выше семи классов школы. По словарю Даля образовать в отличие от просвещать означает: придать лишь наружный лоск. Хотя и этот лоск у нас довольно третьего качества, в духе русского языка и верно по смыслу будет:

⁶⁰ Струве П.Б. Интеллигенция и революция // Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции // Вехи; Из глубины. — М.: Правда, 1991. — С. 150-166.

сей образованный слой, всё, что самозванно или опрометчиво зовётся сейчас «интеллигенцией», называть образованщиной»⁶¹.

Серия интервью в журнале «Фома» весьма примечательно очерчивает круг представлений о сегодняшней интеллигенции вообще и церковной в частности. Несмотря на отсутствие сословий в современном российском обществе, публицист Максим Соколов уверенно говорит об интеллигенции именно как об особой социальной прослойке: «Сословие людей, живущих умственным трудом и в своих отношениях с обществом и государством претендующих на учительство и наставничество»⁶². Но при этом он признает, что церковная интеллигенция всегда была, есть и будет, но с некой оговоркой: она «стоит как-то особняком относительно основной интеллигентской массы. Дело, наверное, в том, что гордых людей гораздо больше, нежели смиренных»⁶³.

Публицист Михаил Леонтьев делает акцент на нынешнем состоянии интеллигенции:

«Это сословие перестает существовать. И это большое счастье для России. С этим связан, конечно, и серьёзный ущерб, потому что перестает оно существовать не в условиях развития социальной структуры

.....
⁶¹ Солженицын А.И. Образованщина // Из-под глыб. — УМСА-Press, Paris, 1974.

⁶² Соколов Максим. Интеллигенция злится на трудящихся и называет их быдлом // Фома. URL: <http://www.foma.ru/article/index.php?news=5894>

⁶³ Там же.

российского общества, а в условиях ее дегенерации»⁶⁴.

Однако у него более жесткий взгляд на церковную интеллигенцию: он прямо отказывает ей в праве на существование.

Писатель Александр Архангельский более осторожен в оценках. Он признает, что «произошла маргинализация интеллигенции как социального слоя», но все же считает, что ее общественная задача необходима и важна для современной России:

«Давайте посмотрим, что у нас в стране вообще есть, если выйти за пределы Церкви. У нас есть бизнес, который не мыслит моральными категориями. У нас есть политика, которая вообще не мыслит никакими категориями. У нас нет, строго говоря, исторической нации, потому что советское представление о нации рухнуло, а новое не сформировалось. У нас есть школа, которая должна как-то воспитывать людей, и которая не сама должна давать ответы на эти вопросы, а должна их получать. А получить как бы и неоткуда. И у нас есть опыт развитого мира, который четко говорит, что должно существовать сословие, которое современно отвечает на моральные вопросы. Не на духовные, а именно на моральные»⁶⁵.

.....
⁶⁴ Леонтьев Михаил. Вере мешает не ум, а гордыня / Фома. URL: <http://www.foma.ru/article/index.php?news=5931>

⁶⁵ Архангельский Александр. Чтобы говорить, что интеллигенция исчезла, нужно не видеть страны, а видеть только Москву // Фома. URL: <http://www.foma.ru/article/index.php?news=6056>

И это важный переход ко второй части вопроса — зачем интеллигенция нужна Церкви. По сути речь идет о том, какие социальные группы сегодня могут быть опорой Церкви. Конечно, большая часть интеллигенции после октябрьского переворота или уехала из страны, или погибла в ходе репрессий. Очевидно, что и крестьянство, на протяжении столетий остававшееся главной социальной базой Церкви и во многом сформировавшее бытовую православную культуру, также было уничтожено и опорой Церкви быть теперь не может. Рабочий класс ею никогда не был и уже не будет.

Более того, церковное возрождение по преимуществу коснулось больших городов, поэтому и опорой (социальной базой) Церкви уже несколько десятилетий является городской средний класс. Это и есть та самая «образованщина», о которой говорил Солженицын. И именно оно постепенно становится почвой для создания новой — уже российской, а не советской — интеллигенции, которая медленно пополняет сильно поредевшие за время существования СССР ряды старой интеллигенции.

Часть этого среднего класса («рассерженные горожане»), в декабре 2011 года вышли на улицы протестовать против фальсификаций на выборах. И эти протесты, в том числе с участием православных, продолжают до сих пор. Новая политическая активность рассерженных горожан пришлась на руку державникам, которые любят обвинять интеллигенцию в излишней политизированности и неспособности жить полноценной церковной жизнью.

Но все же убедительной картины «никчемности» интеллигенции в этих спорах не возникло. Оказалось,

что и XIX, и XX век дают немало примеров глубокой воцерковленности интеллигенции. О какой «политизированности» можно говорить, вспоминая Николая Евграфовича Пестова, Анатолия Васильевича Ведерникова, Сергея Сергеевича Аверинцева, Андрея Чеславовича Козаржевского, протопресвитера Виталия Борового, протоиереев Всеволода Шпиллера, Глеба Каледу и многих-многих других?

Однако все эти обвинения верно высветили тенденцию: культурные и образованные члены Церкви находятся под подозрением у остальной части церковного сообщества. Им не доверяют, их запросы не понимают. Вера в соединении с разумом — самая серьезная угроза для тех, у кого православная вера по большей части сводится к обрядам, мифам и постсовестким идеологическим установкам.

Безусловно, интеллигенция — не однородное сообщество. Оно состоит из разных людей, как есть разные люди в среде, например, приходского духовенства, монашества и даже епископата. Как о них судить — по лучшим или по худшим примерам? Я бы предпочел первое, а в нынешней реальности чаще получается второе. Впрочем, мотив понятен: если сделать из интеллигенции козла отпущения, переложить на нее ответственность за современные проблемы Церкви, то легче вывести из под удара всех прочих, кто не менее, а может быть и более интеллигенции за них в ответе.

В октябре 2011 года в полемику включился митрополит Волоколамский Иларион, председатель Отдела внешних церковных связей. В интервью «Российской газете» он отметил:

«Интеллигенция — очень важная составляющая нашего церковного организма. Ведь это люди, которые

производят идеи и оказывают решающее влияние на мировоззренческую составляющую нашего бытия. В этом смысле интеллигенция — всегда на передовой. Поэтому сегодня очень важен прямой и тесный контакт и диалог между Церковью и интеллигенцией. Как той, которая уже находится в Церкви, так и той, которая находится за ее порогом»⁶⁶.

Тем не менее, через некоторое время председатель другого синодального отдела — по взаимоотношениям Церкви и общества — протоиерей Всеволод Чаплин выступил с абсолютно противоположных позиций. Он попытался сформулировать богословскую мотивацию для борьбы с интеллигенцией, прямо и без всяких оговорок приравняв ее к фарисеям. Чаплин утверждает, что интеллигенция не только не понимает и не способна понять Евангелие, но и прямо виновата в том, что Христа распяли⁶⁷.

Попытки о. Всеволода использовать Евангелие и Священную историю как дубину в полемике в XXI веке, его потуги представить фарисеев «иудейской интеллигенцией» начала первого тысячелетия выглядят порой смешно и совершенно несостоятельно. Однако не стоит недооценивать опасность подобных выпадов. Ведь сегодняшние борцы с интеллигенцией в Церкви по сути являются проводниками большевистского наследия. Только большевики решились

.....
⁶⁶ Иларион, митрополит. Интеллигенция нужна Православной Церкви. // Российская газета. 24.10.2011. URL: <http://www.rg.ru/2011/10/24/a538631.html>

⁶⁷ Чаплин Всеволод, протоиерей. Христос и интеллигенция: вчера и сегодня. // Интерфакс-религия. 09.07.2012. URL: <http://www.interfax-religion.ru/?act=dujour&div=412>

объявить целые сословия и социальные группы врагами государства и тем самым оправдать их уничтожение. Сегодня такой «большевистский экстремизм» связан с позицией отдельных священнослужителей и мирян, идеологом и одновременно официальным покровителем которых выступает именно прот. Всеволод Чаплин. Его политическая игра связана с ловким манипулированием своими статусами. Но никто не в силах отделить личную позицию о. Всеволода от его официальной позиции как председателя синодального отдела. И если люди, близкие к патриархии, понимают, что это своего рода постмодернистская игра, то все остальные — и миряне, и нецерковные — воспринимают все сказанное о. Всеволодом как мнение Русской Православной Церкви. А это без сомнения наносит чудовищный урон авторитету Церкви в общественном пространстве.

Креативный класс: кадры для миссии?

Спор об интеллигенции в последнее время стала затмевать другая, не менее острая, дискуссия на тему: «Что такое креативный класс и какую роль он сможет сыграть в истории Церкви в России?».

Этот термин более десяти лет назад ввел американский социолог Ричард Флорида, выделив ту часть среднего класса, чей способ производства основан на комплексных знаниях и самостоятельных решениях⁶⁸.

.....
⁶⁸ Richard Florida. The Rise of the Creative Class. Revisited: 10th Anniversary Edition. – NY: Basic Books, 2012. – P. 484.

В публицистике последних месяцев предпринята попытка отождествить креативный класс с хипстерами или группой «рассерженных горожан». Однако такой подход будет недопустимым упрощением. Но перспективнее исходить из того, что выражение «креативный класс» вполне устоялось в нашем словаре. В России эта группа значительно больше, чем протестное движение 2011-2012 годов. Для принадлежащих к ней православных христиан характерно, что знание не находится в противоречии с верой, а потребность в новых знаниях не имеет исключительно меркантильной, «коммерческой» основы.

Все чаще подход современного человека к знаниям определяется прагматической задачей — они позволяют больше зарабатывать, делать карьеру и т. п. А знание как ценность, в том числе нравственная, моральная и духовная, отходит в лучшем случае на второй план. В этой неожиданной дискуссии высветились две проблемы: ценность знания и свобода выражать свою позицию.

Церковь же продемонстрировала крайнюю нечувствительность к новым социальным реалиям. На наших глазах формируется ее негативное отношение к *креативному классу*, а тот, в свою очередь, похоже, отвечает взаимностью. И эта проблема значительно сложнее и шире, чем это может показаться на первый взгляд. Точнее, это целый узел проблем. Креативный класс настроен критически не только по отношению к церковным практикам, но и к современному российскому государству. Слово «критически» не должно вводить в заблуждение. Народное православие тоже критически относится к государству, но не знает, что

делать (в их арсенале только молитвенные стояния, листовки и заявления с отказами от ИНН) и как вести с властью разговор. Креативный класс способен сформулировать претензии к государству и последовательно говорить о них на разных площадках, потенциально сохраняя возможность оформиться в политическую силу.

Однако и государство, и Церковь требуют сегодня лояльности прежде всего идеологической. С точки зрения креативного класса, «большие структуры» являются носителями устаревшей идеологии, не учитывающей его ценности, интересы и потребности. И пока это не изменится, ни о какой поддержке со стороны новой социальной общности, не может быть и речи.

В итоге круг мирян, способных заниматься катехизацией и готовых помогать духовенству в решении миссионерских задач, по-прежнему крайне узок. Конечно, в абсолютных цифрах он значительно шире, чем 10-15 лет назад, но и потребности после открытия тысяч новых приходов стали совсем другими. Если же предположить, что «разочарование» Церковь в обществе — это долгосрочный тренд, то роль миссионеров, ведущих беседы с прихожанами в храм и выступающих в публичном пространстве, вырастает многократно.

Кто же пополнит ряды миссионеров? На этот вопрос можно ответить по-разному. Здесь можно выбирать. Но это выбор не конкретных методик и тактик, а стратегии *будущего Церкви*.

Один из возможных вариантов — это «миссионеры», предпочитающие *правильные слова и предельно жесткие действия*. Позитивная — собственно

миссионерская — программа таких деятелей выражается исключительно в декларациях о намерениях или в комментариях к своим действиям, которые сами по себе — без высокопарных объяснений — выглядят как уличное хулиганство. Более всего это похоже на попытку перенести способы борьбы радикальной исламской молодежи на православную почву.

За примером далеко ходить не надо — «православный активист» Дмитрий Цорионов (более известный как Энтео). Его «миссионерские практики» стали широко известны после того, как вместе с друзьями он сорвал с прохожего майку с карикатурным изображением иконы Пресвятой Богородицы и Спасителя. После этого его имя стало звучать в СМИ, а государственный телеканал «Россия-1» даже пригласил его на ток-шоу. На вопрос ведущего, почему в своей борьбе за православие он перешёл границу закона (однако никакой административной ответственности за свои действия не понес), Энтео очень эмоционально ответил: «Наболело!». Аудитория в студии встретила его ответ бурными аплодисментами.

Симпатию аудитории вызывает неожиданная интрига: есть хулиганский поступок и есть его «благочестивое оправдание», позволяющее не только простить, но и оправдать хулигана. Этот смысловой конфликт, когнитивный диссонанс привлекает внимание, вызывает удивление и недоумение, но ссылки на оскорбленные чувства и благословение неких «духоносных» старцев — вполне приемлемое для массовой аудитории объяснение.

Возможен и другой ответ на вопрос о том, какие нужны миссионеры. Это должны быть люди подготовленные, образованные и в то же время понимающие,

что есть свобода во Христе. Ими могли бы стать представители креативного класса, воспитанные в ведущих православных вузах страны. Но об этом, увы, пока можно только мечтать.

Более ста поездок, которые за последние двадцать лет совершили преподаватели и студенты Свято-Тихоновского университета, дают возможность обобщить и систематизировать опыт миссионерской деятельности с участием молодежи. Но он, к сожалению, не представляет никакого интереса с точки зрения российских СМИ. Есть работа, но нет очевидного конфликта, нет скандала, а значит зрителю это не интересно.

Из этого неизбежно следует, что поддержка воцерковленной части креативного класса — одна из *стратегических задач* Церкви. Без этого не будут решены ни миссионерские, ни связанные с религиозным образованием и развитием церковной науки, активным и эффективным присутствием Церкви в общественной жизни задачи.

В преддверии перемен

Более десяти лет назад митрополит Антоний Сурожский (+ 2003) говорил:

«Часто Церковь — я говорю о духовенстве и тех людях, которые себя считают сознательными мирянами — испуганы, боятся сделать что-то «не то». После всех этих лет, когда не было возможности свободно думать и говорить друг с другом и как бы перерастать XIX век, очень много страха и желания

непрерывно только повторять то, что уже принято и как бы стало языком Церкви и мыслью Церкви. Это должно рано или поздно перемениться»⁶⁹.

Эта оценка применима не только к литургической жизни и пастырскому служению, но и без всяких оговорок к социальной деятельности Церкви.

Очевидно, что Церковь будет меняться. И эти перемены могут быть не в логике тех процессов, которые происходили в последние двадцать лет.

Сложная и противоречивая религиозная идентичность современных россиян будет более существенно влиять на облик Церкви хотя бы потому, что поколение тех, кто был в центре религиозного возрождения все эти годы постепенно уходит. Им на смену приходит новое поколение молодых священников, епископов и активных мирян.

Какие ценности они реально проповедают? Как они понимают церковную жизнь — организацию приходской жизни, роль монастырей и монашества? К каким богословским проблемам они испытывают живой интерес? На какой основе они будут строить экономическую жизнь приходов и епархий? Как они будут взаимодействовать с политиками и чиновниками? Сегодня на эти вопросы ответить практически невозможно. Но именно от этих ответов зависит будущее Церкви в России.

.....
⁶⁹ «Я хочу говорить только о том, что созрело у меня в душе...». Из личной беседы с митрополитом Антонием // «Русская Мысль», 08.06.2000.

Приложение

О некоторых практических шагах

Реформа церковного управления идет по традиционной схеме сверху вниз: уточняется процедура избрания патриарха, проведено новое разграничение прав Поместного и Архиерейского соборов, созданы новые органы высшего церковного управления, учреждены митрополии и митрополичьи округа.

Все это важно, но стабильность Церкви в период кризиса это не принесет. Устойчивость Церкви будет связана с базовым уровнем церковной жизни – приходским. И здесь необходимо искать ответ на главный вопрос: как сделать приход крепким и устойчивым? Для этого как минимум надо четко регламентировать отношения правящего архиерея и приходского духовенства. Но не менее важно по-новому осмыслить роль прихожан (мирян).

Статус мирян в Церкви. Необходимо четко определить канонический статус мирян — самой многочисленной и на сегодняшний день самой бесправной части Русской Православной Церкви. Этот статус важно не только определить, но и зафиксировать в документах, прежде всего в Уставе Церкви. В настоящее время, Устав упоминает о мирянах только в главе XI, где роль мирян (прихожан) описана исключительно через их обязанности:

31. Прихожанами являются лица православного исповедания, сохраняющие живую связь со своим приходом.
32. Каждый прихожанин имеет своей обязанностью участвовать в богослужении, регулярно исповедоваться и причащаться, соблюдать каноны и церковные предписания, совершать дела веры, стремиться к религиозно-нравственному совершенствованию и содействовать благосостоянию прихода.
33. На обязанности прихожан лежит забота о материальном содержании причта и храма⁷⁰.

Лирические формулировки о «сохранении живой связи» и «религиозно-нравственном совершенствовании» необходимо заменить на конкретные, юридически обязывающие.

Права мирян, равно как и их обязанности, должны быть осмыслены прежде всего в сфере ответственности за приход, а также в области их отношений с епископатом и духовенством. На сегодняшний момент у прихожан нет никаких средств воздействия на причт, если, например, настоятель категорически не хочет устраивать при храме воскресную школу. У них также нет возможности повлиять на правящего архиерея, если тот по какой-либо причине переводит духовного отца большинства прихожан на другое место, разрушая тем самым сложившийся приход.

Церковные учреждения, содействующие развитию мирянского движения. Развитие мирянского движения должно стать одной из приоритетных задач устройства жизни Церкви и ее взаимодействия с обществом. Синодальный отдел по взаимоотношениям Церкви

.....
⁷⁰ Устав Русской Православной Церкви в редакции 2000 г. с поправками 2008 и 2011 гг.

и общества необходимо преобразовать из органа контролирующего мирянское движение в орган координирующий и поддерживающий. Необходимо бережно относиться к общественной деятельности православных, отказаться от публичных запретов на какие бы то ни было формы общественной деятельности. Запреты возможны как частный случай, но не как общий принцип.

Ежегодный отчет о состоянии общественной деятельности православных христиан. Важным элементом создания *единого образа происходящего* являются ежегодные доклады Патриарха на Епархиальном собрании духовенства Москвы и Рождественских чтениях, а также ставшие последнее время регулярными (раз в два года) доклады Патриарха на Архиерейском соборе. Однако эти доклады в силу своей специфики не могут исчерпать все основные темы церковной жизни. Необходимо готовить регулярный — хотя, может быть, и не ежегодный — доклад о состоянии богословских и церковно-исторических исследований, а также ежегодный доклад о деятельности церковно-общественных организаций и состоянии православной общественности. В последнем случае должен быть представлен максимально непредвзятый анализ, а не бюрократическая или узкокорпоративная позиция. Эту работу можно поручить Синодальному отделу по взаимодействию Церкви и общества, или одной из комиссий Межсоборного присутствия, или даже внешним фондам и исследовательским центрам.

Исследовательская программа. Необходима отдельная исследовательская программа, рассчитанная на несколько лет и посвященная комплексному изучению социальной проекции Церкви, нынешней и будущей христианской общественности.

Художественно-публицистическое издание

Чапнин Сергей Валерьевич

**Церковь в постсоветской России:
возрождение, качество веры,
диалог с обществом**

**Субъективные размышления
о настоящем и будущем**

Редактор *Наталья Фролова*

Дизайнер *Петр Ковалев*

Художественный редактор *Артем Погосов*

Корректор *Наталья Эггерт*

Издательство «Арефа»

129347, Москва, Ярославское ш., д. 119, оф. 65.

www.arefa.net (издательство)

www.arefa.ru (интернет-магазин)

Подписано в печать 15.01.13.

Формат 60×90 ¹/₁₆

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Гарнитура SwiftС. Усл. печ. л. 5,0.

Тираж 3000 экз. Зак. № 105.

Отпечатано в типографии «Миттель Пресс»

Адрес: 127254, г. Москва, ул. Руставели, д.14, стр. 6.

Тел./факс +7 (495) 619-08-30, 647-01-89.

E-mail: mittelpress@mail.ru

Сергей Чапнин (род. 1968)— журналист, редактор и издатель. С 2009 года руководит Объединенной редакцией официальных печатных СМИ Русской Православной Церкви, секретарь комиссии Межсоборного Присутствия по вопросам взаимодействия Церкви, государства и общества, преподает на богословском факультете Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета курс «Богословие коммуникации. Церковь в информационном обществе».

События 2011–2012 годов оставили глубокий след в жизни российского общества. И это не могло не отразиться на Православной Церкви в России. Следует признать, что большой и важный этап, который получил название церковного возрождения, закончился. Что теперь? Сергей Чапнин предлагает свои — порой парадоксальные — размышления о «качестве» веры, об отношении к советскому (постсоветскому) в современной светской и церковной культуре и анализирует возникшие среди православных христиан идеологические разногласия, которые, к сожалению, уже можно назвать «холодной войной» внутри Русской Православной Церкви.

